

Саксонские
хроники

БЕРНАРД КОРНУЭЛЛ

ГИБЕЛЬ КОРОЛЕЙ

В романах Бернарда Корнуэлла история поистине оживает.

Джордж Р. Р. Мартин, создатель «Игры престолов»

Бернард Корнуэлл
Гибель королей
Серия «The Big Book.
Исторический роман»
Серия «Саксонские хроники», книга 6

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30473294

*Б. Корнуэлл. Гибель королей: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Санкт-Петербург; 2018
ISBN 978-5-389-14635-8*

Аннотация

Лорд Утред Беббанбургский всю жизнь сражался за своего короля Альфреда, хотя и не дождался достойной награды за свою доблесть. Он хранит клятву верности, данную королю, но не хочет присягать его наследнику, принцу Эдуарду, слишком слабому, чтобы удержать власть. На смертном одре Альфред просит Утреда представлять его интересы на переговорах об объединении страны. Если все христиане Британии объединятся, то, когда молодой Эдуард унаследует корону, его трон будет надежно защищен. Вся страна с содроганием ждет смерти своего правителя, ведь на британские земли претендуют многие, в том числе варвары с севера. Утред должен принять непростое

решение, которое навсегда изменит его жизнь и ход истории: взять в руки меч или сложить оружие, и пусть мечта Альфреда о едином королевстве умрет вместе с ним...

Шестой роман из цикла «Саксонские хроники».

Содержание

Географические названия	10
Часть первая. Колдунья	14
Глава первая	14
Глава вторая	55
Глава третья	100
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Бернард Корнуэлл

Гибель королей

Bernard Cornwell
The Death Of Kings

© 2011 by Bernard Cornwell

© М. Павлычева, перевод, 2018

© А. Яковлев, перевод исторической справки, 2018

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

*Посвящается Эни Леклер, писателю и другу,
который помог мне написать первую строку*

Королевская династия Уэссекса

Этельвульф,
король Уэссекса
(839–858),
жена — Осбурх

Этельстан

Этельбальд,
король Уэссекса
(858–860)

Альфред Великий,
король Уэссекса
(871–899),
жена — Эльсвит

Этельберт,
король Уэссекса
(860–865)

Этельред,
король Уэссекса
(866–871)

Этельвольд

Этельфлэд,
муж — Этельред
Мерсийский

Этельгифу

Этельверд

Эдуард Старший,
король западных саксов
(899–924)

Эфрит

Этельстан,
король Англии
(924–939)

Географические названия

Написание географических названий в Англии времен англов и саксов характеризовалось разнообразием, так как не устоялось само их звучание. Так, Лондон мог называться Лундонией, Лунденбергом, Лунденном, Лунденом, Лунденвиком, Лунденкестером и Лундресом. Уверен, некоторые читатели предпочтут другие варианты тех географических названий, что приведены в списке ниже, но я обычно использую написание, которое дает «Оксфордский» или «Кембриджский словарь английских географических названий» для эпохи около 900 года н. э., хотя и оно не является непреложной истиной. В 956 году название острова Хайлинга писалось как «Хейлинсиге» и «Хаэглингейгге». Я тоже проявил непоследовательность: мне нужно было бы вместо «Англия» писать «Инглаланд», а еще я предпочел современное «Нортумбрия» древнему «Нортхюмбралонд». Я сделал это ради того, чтобы показать, что границы древнего королевства не совпадали с границами современного графства. Так что мой список столь же причудлив, сколь и само написание географических названий.

Баддан-Бириг – крепость Бэдбери-Рингз, Дорсет

Бebbанбург – Бамбург, Нортумберленд

Беданфорд – Бедфорд, Бердфордшир

Бемфлеот – Бенфлит, Эссекс

Бланефорд – Блэндфорд-Форум, Дорсет

Буккестан – Бакстон, Дербишир

Буккингхамм – Буккингэм, Буккингэмшир

Вигракестер – Вустер, Вустершир

Винтанкестер – Винчестер, Гемпшир

Гегнесбург – Гейнсборо, Линкольншир

Глевекестр – Глостер, Глостершир

Грантакастер – Кембридж, Кеймбриджшир

Дамнок – Данвич, графство Дарем

Кент – графство Кент

Контварабург – Кентербери, Кент

Кракгелад – Криклейд, Уилтшир

Кумбраланд – Кумберленд

Ликкелфилд – Личфилд, Стаффордшир

Линдисфарена – Линдисфарн (Священный Остров), Нортумберленд

Лунден – Лондон

Медвэг, река – река Мидуэй, Кент

Натанграфум – Нотгроув, Глостершир

Окснафорда – Оксфорд, Оксфордшир

Ратумакос – Руан, Нормандия, Франция

Рочесестер – Рокзетер, Шропшир

Сарисбери – Солсбери, Уилтшир

Сеобириг – Шобери, Эссекс

Сестер – Честер, Чешир

Сефтесбери – Шафтсбери, Дорсет
Сининг-Тун – Кингстон-на-Темзе, Большой Лондон
Сиппанхамм – Чиппенхэм, Уилтшир
Сирренкастр – Сайренсестер, Глостершир
Ситринган – Кеттеринг, Нортгемптоншир
Скроббесбург – Шрусбери, Шропшир
Снотенгахам – Ноттингем, Ноттингемшир
Суморсэт – Сомерсет
Твеокснам – Крайстчерч, Дорсет
Темез, река – река Темза
Торнсэта – Дорсет
Тофкестер – Таустер, Нортгемптоншир
Трент, река – река Трент
Турканден – Теркден, Глостершир
Уилтунишир – Уилтшир
Уимбурнан – Уимборн, Дорсет
Фагранфорда – Фейрфорд, Глостершир
Феарнхэм – Фарнхэм, Суррей
Фифхидан – Файфилд, Уилтшир
Фугхелнесс – остров Фаулнесс, Эссекс
Хамбр, река – река Хамбер
Хотледж, река – Хадли-Рей, Эссекс
Хрофесеастр – Рочестер, Кент
Хунтандон – Хантингдон, Кеймбриджшир
Эксанкестер – Эксетер, Девон
Энульфсбриг – Сент-Неот, Кеймбриджшир

Эофервик – Йорк, Йоркшир (даны называли его Йорвик)

Часть первая. Колдунья

Глава первая

– Дни похожи один на другой, – сказал отец Виллибальд, – за редким исключением. – Он радостно улыбнулся, будто рассчитывал, что я восприму его слова как нечто важное. Но я промолчал, и он сник. – Дни похожи... – снова заговорил он.

– Я тебя услышал, – буркнул я.

– ...за редким исключением, – уныло закончил Виллибальд.

Виллибальд нравился мне, хотя принадлежал к церковникам. Во времена моего детства он был одним из моих учителей, и сейчас я считал его своим другом. Серьезный по натуре, Виллибальд обладал мягким характером, и, если кроткие когда-либо и правда унаследуют землю, мой друг будет богатейшим из них.

Дни действительно похожи один на другой, пока что-нибудь не изменится, и то морозное воскресное утро казалось таким же обычным, как все остальные, пока эти идиоты не попытались убить меня. Было ужасно холодно. Всю неделю лил дождь, но в то утро лужи замерзли, а иней выбелил траву. Отец Виллибальд приехал вскоре после восхода и нашел

меня на лугу.

– Вчера в темноте мы не смогли найти твое поместье, – ежась, объяснил он раннее появление. – Переночевали в монастыре Святого Румвольда. – Виллибальд махнул в сторону юга и добавил: – Как же мы там замерзли!

– Эти монахи – жадные мерзавцы, – проворчал я.

Предполагалось, что я должен еженедельно привозить в монастырь воз дров, однако я игнорировал эту обязанность. Монахи вполне могли самостоятельно поработать топорами.

– Кем был Румвольд? – спросил я у Виллибальда. Я знал ответ, но хотел немного помучить старика.

– Он был очень набожным ребенком, господин.

– Ребенком?

– Младенцем, – уточнил он и вздохнул, догадавшись, куда ведет разговор. – Румвольд прожил всего три дня.

– Трехдневный младенец стал святым?

Виллибальд всплеснул руками:

– Чудеса случаются, господин. Они действительно случаются. Говорят, маленький Румвольд воспевал хвалу Господу, когда сосал грудь.

– Я чувствую нечто подобное, когда хватаюсь за титьку какой-нибудь девки, – сказал я. – Это же не делает меня святым?

Виллибальда передернуло, и он благоразумно сменил тему.

– Я привез тебе сообщение от этелинга, – проговорил он,

имея в виду Эдуарда, старшего сына Альфреда.

– Ну говори.

– Он теперь король Кента! – радостно объявил Виллибальд.

– И он отправил тебя в долгий путь только ради того, чтобы сообщить мне об этом?

– Нет-нет. Я просто подумал, что, возможно, ты об этом не слышал.

– Естественно, слышал.

Альфред, король Уэссекса, сделал своего старшего сына королем Кента. Предполагалось, что, пока Эдуард будет учиться править, его ошибки не принесут особого вреда, потому что Кент как-никак часть Уэссекса.

– Он уже погубил Кент?

– Конечно нет, – возмутился Виллибальд, – хотя... – Священник вдруг замолчал.

– Хотя – что?

– О, ничего, – с деланой беззаботностью ответил старик и притворился, будто заинтересовался овцой. – Сколько у тебя черных овец?

– Может, мне стоит хорошенько потрясти тебя за ноги, пока я не вытрясу все новости? – предложил я.

– Просто Эдуард, в общем... – Священник заколебался, затем решил, что будет лучше все рассказать мне, пока я действительно не вздумал схватить его за ноги и потрясти. – Просто он захотел жениться на девушке из Кента, а его отец

не согласился. Но это совсем не важно!

Я расхохотался. Пусть Эдуард еще слишком юн, но из него не получилось идеального наследника.

– Эдуард взбесился, да?

– Нет-нет! Все это был юношеский каприз, и он давно стал историей. Отец уже простил его.

Я больше не задавал вопросов, хотя, возможно, мне и стоило бы внимательнее отнестись к этой новости.

– Так в чем состоит послание Эдуарда? – спросил я.

Мы стояли на нижнем лугу моего поместья в Буккингамме, которое находилось на востоке Мерсии. Формально земля принадлежала Этельфлэд, но я платил ей аренду продуктами, а поместье было настолько большим, что могло прокормить тридцать дружинников, многие из которых в это утро отправились в церковь.

– Кстати, а почему ты не в церкви? – уточнил я у Виллибальда, прежде чем он успел ответить на мой первый вопрос. – Сегодня же праздник, верно?

– День святого Алнота, – сообщил он с каким-то особенным удовольствием. – Мне нужно было найти тебя! – Его голос звучал восторженно. – У меня новости от короля Эдуарда. Каждый день похож...

– За редким исключением, – грубо перебил я его.

– Да, господин, – покорно произнес он, потом озадаченно нахмурился, – но чем ты тут занимаешься?

– Смотрю на овец, – ответил я, и это было правдой – я

действительно смотрел на две или больше сотни овец, которые тоже глядели на меня и трогательно блеяли.

Виллибальд повернулся к отаре.

– Замечательные животные, – сказал он так, будто знал, о чем болтает.

– Всего лишь баранина и шерсть, и я решаю, какая овца будет жить дальше, а какая умрет.

Наступило время забоя овец, тот мрачный период года, когда мы резали наших животных. Несколько штук мы оставляли на развод весной, а большую часть резали, потому что на всю зиму для всех отар и стад корма не хватало.

– Понаблюдай за их спинами, – предложил я Виллибальду. – Быстрее всего снег тает на шерсти самых здоровых. Вот они-то и останутся в живых.

Я приподнял его шерстяную шляпу и потрепал старика по седеющим волосам.

– А на твоих волосах снега нет, – весело сообщил я, – иначе мне пришлось бы перерезать тебе горло.

Я указал на овцу со сломанным рогом:

– Бери эту!

– Слушаюсь, господин, – откликнулся пастух, маленький шишковатый дядька с бородой, закрывавшей пол-лица.

Он приказал двум гончим оставаться на месте, врезался в отару, с помощью крюка на своей палке зацепил овцу, подтянул ее к краю поля и погнал к другим животным, собранным в дальнем конце луга. Один из гончих псов – драный, покры-

тый шрамами, – принялся покусывать овцу за задние ноги, пока пастух не прикрикнул на него. Вообще-то, он не нуждался в помощи при выборе овец, которым предстояло жить или умереть. Пастух с детства умел отбирать животных, но господин, отдающий приказ забивать их, должен проявить к ним хоть крохотное уважение и провести с ними некоторое время.

– Судный день, – пробормотал Виллибальд, натягивая шляпу почти до самых ушей.

– Сколько уже? – спросил я у пастуха.

– Джиггит и мумф, – ответил он.

– Этого хватит?

– Хватит, господин.

– Тогда режь остальных, – велел я.

– Джиггит и мумф? – удивился Виллибальд, все еще ежась.

– Двадцать пять, – ответил я. – Яйн, тайн, тетер, метер, мумф. Так считают пастухи. Не знаю почему. Мир полон тайн. Некоторые люди даже верят в то, что трехдневный младенец может быть святым.

– Нельзя насмеяться над Богом, господин. – Отец Виллибальд старался сохранять суровый вид.

– Мне можно. Так чего хочет юный Эдуард?

– О, это самое замечательное, – с энтузиазмом начал Виллибальд и замолчал, потому что я поднял руку.

Оба пастушьих пса рычали. Оба припали к земле и смот-

рели на лес. Шел дождь со снегом. Я взгляделся в деревья, но ничего угрожающего среди черных зимних веток не увидел.

– Волки? – уточнил я у пастуха.

– Да я волков не видал аж с тех пор, когда рухнул мост, господин, – возразил тот.

У собак на загривках шерсть встала дыбом. Пастух пощелкал языком, успокаивая их, потом коротко свистнул, и одна гончая потрусилась к лесу. Второй пес взвыл, недовольный тем, что его не пускают вперед, но пастух тихо произнес короткую команду, и тот успокоился.

А первая собака приближалась к лесу. Это была хорошо обученная сука. Она перепрыгнула через обледеневшую канаву и исчезла в зарослях остролиста. Один раз гавкнув, собака вышла из кустов и снова перепрыгнула канаву. На мгновение задержалась, оглянулась на лес и помчалась к нам. А из лесного мрака вслед ей полетела стрела. Пастух свистнул, и гончая ускорилась. Стрела упала позади нее.

– Разбойники, – бросил я.

– Или охотники на оленя, – предположил пастух.

– На моего оленя, – заметил я, продолжая вглядываться в лесную чащу.

Зачем браконьерам стрелять в пастушью собаку? На их месте самым правильным было бы убежать. Может, это очень глупые браконьеры?

Дождь усилился, к нему добавился холодный восточный ветер. На мне был толстый меховой плащ, высокие сапоги и

лись шапка, так что холода я не чувствовал, а вот Виллибальда, несмотря на шерстяную накидку и шляпу, уже по-настоящему трясло в его черном одеянии.

– Надо бы увести тебя в дом, – сказал я. – В твоём возрасте вредно мерзнуть.

– Я не ожидал, что польет дождь. – Вид у Виллибальда был жалкий.

– К середине дня пойдет снег, – добавил пастух.

– Ведь у тебя где-то поблизости хижина? – спросил я у него.

– Сразу за рощей. – Он указал на север, в сторону плотно растущих деревьев, между которыми вилась тропинка.

– Там есть очаг?

– Да, господин.

– Веди нас туда, – велел я.

Я решил оставить Виллибальда в тепле и съездить за плащом и лошадью, чтобы отвезти его к себе домой.

Мы двинулись на север, и собаки снова зарычали. Я оглянулся и увидел людей у края леса. Они стояли неровной шеренгой и смотрели на нас.

– Ты их знаешь? – поинтересовался я у пастуха.

– Они не местные, господин, и их эддера-а-диз, – ответил он, имея в виду, что их тринадцать. – Несчастливое число, господин. – Он осенил себя крестным знаменем.

– Что?.. – начал отец Виллибальд.

– Тихо, – перебил я его. – Разбойники, – догадался я, про-

должая смотреть на чужаков.

Обе пастушья собаки скалились.

– Святого Алнота убили разбойники, – обеспокоенно про-
бормотал Виллибальд.

– Значит, не все, что делают разбойники, плохо. Но эти –
полные идиоты.

– Идиоты?

– Напасть на нас – редкий идиотизм, – пояснил я. – Их
поймают и разорвут на части.

– Если они прежде не убьют нас, – заметил Виллибальд.

– Шевелись!

Я подтолкнул старика к леску и, сжав рукоять меча, пото-
ропился за ним. Вместо Вздоха Змея, моего большого боево-
го меча, я сегодня вооружился клинком поменьше и полег-
че, тем, который забрал у дана, убитого мною в Бемфлеоте.
Хотя это был хороший меч, я пожалел, что сейчас со мной
нет Вздоха Змея. Я оглянулся. Все тринадцать чужаков уже
перебрались через канаву и спешили за нами. У двоих были
луки. Остальные вооружились топорами, ножами или копья-
ми. Виллибальд начал задыхаться и замедлил шаг.

– Что это? – с трудом произнес он.

– Бандиты? – предположил я. – Бродяги? Не знаю. Бегом!

Я буквально втолкнул его в лес, вытащил меч из ножен и
повернулся лицом к преследователям, один из которых уже
доставал стрелу из колчана на поясе. Его действия убедили
меня в том, что благоразумнее будет уйти в лес вслед за Вил-

либальдом. Кольчуги на мне не было, только толстый меховой плащ, который не мог защитить от охотничьей стрелы.

– Не останавливаться! – крикнул я Виллибальду и захромал по тропинке.

В битве при Этандуне меня ранили в правое бедро. Ранение не мешало ходить, и я даже мог небыстро бегать, но сейчас мне вряд ли удалось бы оторваться от преследователей. Они уже были на расстоянии полета стрелы. Вторая стрела со свистом пронеслась сквозь ветки. «Дни похожи один на другой, – подумал я, – кроме тех дней, когда становится интересно». Деревья и плотный кустарник мешали загонщикам разглядеть нас. Они решили, что я побежал за Виллибальдом, и тоже ступили на тропу. Я же спрятался в плотных зарослях остролиста и укрылся плащом, чтобы они не заметили мои светлые волосы. Преследователи прошли мимо укрытия и даже не посмотрели в мою сторону. Два лучника шли впереди.

Я пропустил их вперед и выбрался из зарослей. Я слышал их разговор и поговору понял, что они саксы, возможно из Мерсии. Наверняка грабители. Поблизости сквозь густые леса проходила римская дорога, и вольные людишки устраивали засады на путников. Последние, чтобы защититься, путешествовали большими караванами. Я дважды водил свой военный отряд на охоту за такими разбойниками и был уверен, что мне удалось убедить их не заниматься своим ремеслом рядом с моим поместьем. Вот почему сейчас никак не мог

понять, откуда взялись эти чужаки. Они совсем не походили на бродяг, случайно забредших в чье-то поместье. По спине пробежали мурашки.

Я осторожно приблизился к краю леса и увидел чужаков рядом с хижинкой, которая больше напоминала стог сена. Пастух построил ее из веток и присыпал землей, а наверху оставил отверстие для дыма. Хозяина нигде видно не было, а вот Виллибальда чужаки уже успели схватить. Судя по всему, они не причинили ему вреда, – вероятно, его защищала ряса священника. Сторожил моего друга только один человек, остальные, должно быть, догадались, что я все еще в лесу: они внимательно вглядывались в заросли, скрывавшие меня.

А потом неожиданно слева от меня выскочили две пастушьи собаки и с лаем бросились на чужаков. Гибкие и стремительные, они кружили вокруг разбойников, то и дело бросаясь на них, щелкая зубами у их ног и отбегая. Только один из чужаков был вооружен мечом, но по тому, как неуклюже он замахнулся на суку, когда она подскочила к нему, и промахнулся, я понял, что владеть им он не умеет. Один из лучников поднял лук и оттянул тетиву, но вдруг рухнул, как будто его ударили невидимым молотом. Он повалился на спину, а стрела взвилась в небо и упала между деревьями позади меня, не причинив никому вреда. Собаки припали на передние лапы и, оскалившись, зарычали. Поверженный лучник пошевелился, но встать, по всей видимости, не смог. Прочие

разбойники испуганно сбились в кучу.

Второй лучник поднял лук и вдруг отпрыгнул, выронил оружие и прижал руки к лицу. Я разглядел струйку крови, яркой, как ягоды остролиста. Кровь окрасила белый снег под ногами лучника, который не отнимал ладоней от лица и сгибался от боли. Собаки взвыли и ринулись в лес. Пошел мокрый снег, тяжелые ледяные капли громко застучали по голым веткам. Двое чужаков двинулись к хижине пастуха, но были остановлены криком вожака. Он был моложе остальных и выглядел более состоятельным. Незнакомец был одет в длинный кожаный жилет, под которым я заметил кольчугу. Значит, он либо воин, либо просто украл кольчугу.

– Господин Утред! – позвал он.

Я не ответил. Мое укрытие было надежным, по меньшей мере пока. Но шевелиться мне нельзя: ведь они наверняка оглядывают заросли, напуганные нападением невидимого противника. Кстати, а кто это был? Скорее всего, боги или, возможно, христианский святой. Аллот, вероятно, ненавидит разбойников, если они убили его, а эти чужаки – точно разбойники, и кто-то послал их, чтобы умертвить меня. В этом не было ничего удивительного, потому что в те годы у меня имелось немало врагов. Враги есть у меня и сейчас, но я теперь живу за надежным палисадом в Северной Англии, а в ту далекую зиму восемьсот девяносто восьмого года Англии еще не существовало. Были только Нортумбрия и Восточная Англия, Мерсия и Уэссекс, и в первых двух правили

даны, Уэссекс принадлежал саксам, а в Мерсии царил хаос: одну часть занимали норманны, другую – саксы. Я сам себе напоминал Мерсию, потому что родился саксом, а воспитан был даном. Я продолжал поклоняться северным богам, но судьба обрекла меня защищать саксов-христиан от вездесущих данов-язычников. Так что многие даны могли желать моей смерти, однако мне трудно было представить, чтобы для этого дела кто-то из них нанял бы разбойников из Мерсии. Были еще и саксы, которые с радостью посмотрели бы, как хоронят мой хладный труп. Мой кузен Этельред, господин Мерсии, даже заплатил бы за то, чтобы увидеть, как забрасывают землей мою могилу. Но он подослал бы ко мне воинов, а не бандитов, ведь так? И все же мне мерещился за этими чужаками именно он. Правитель Мерсии был женат на Этельфлэд, дочери Альфреда Уэссекского, однако я уже успел наставить Этельреду большие рога, и он, по всей видимости, решил щедро отблагодарить меня за это, подослав тринадцать разбойников.

– Господин Утред! – снова окликнул молодой, но ответом ему послужило лишь испуганное блеяние.

Овцы рекой текли по тропинке через лесок. Их подгоняли собаки, покусывая за копыта. Когда овцы добежали до чужаков, собаки разделились и стали сгонять животных так, чтобы те обступили чужаков плотным кольцом. Я от души расхохотался. В то холодное воскресное утро лучшим полководцем показал себя не я, Утред Беббанбургский, человек,

который на берегу моря убил Уббу и разгромил армию Хэстена при Бемфлеоте, а простой пастух. Его обезумевшие от страха овцы настолько плотно сгрудились вокруг чужаков, что те не могли и шагу ступить. Собаки завывали, овцы блеяли, и тринадцать разбойников все острее ощущали панику.

Я вышел из леса.

– Кто звал меня? – крикнул я.

Молодой предводитель ринулся было ко мне, но тут же натолкнулся на плотное кольцо овец. Он попинал их, потом выхватил меч, но чем энергичнее он пробивал себе дорогу, тем сильнее паниковали овцы, а собаки не пускали их из кольца. Молодой чужак в сердцах выругался и подтащил к себе Виллибальда.

– Выпустите нас, или мы уьем его! – заявил он.

– Он христианин, – сказал я, показывая ему висевший у меня на шее молот Тора, – так что мне плевать, что вы с ним сделаете.

Виллибальд ошеломленно уставился на меня, но в следующий момент обернулся, привлеченный полным муки возгласом: один из разбойников взвыл от боли. Снег опять окрасился красным, и на этот раз я увидел, кто все это учудил. Отнюдь не боги, а пастух, который вышел из-за деревьев с пращой в руке. Он достал из мешка камень, вложил его в кожаный ремень и раскрутил пращу. Та со свистом рассекла воздух, он отпустил один конец, и новый камень полетел в сторону чужаков.

Они в панике пригнулись. Я знаком дал понять пастуху, чтобы он выпустил их из своеобразного загона. Тот свистом отозвал собак, и люди и овцы мгновенно разбежались в стороны. Из чужаков на месте остался только первый лучник, который все еще не оправился после удара камнем в голову. Молодой предводитель – он оказался храбрее остальных – двинулся ко мне, вероятно решив, что товарищи поддержат его. Однако никто за ним не последовал. Его лицо искажил неподдельный страх, он обернулся, и в этот момент сука бросилась на него и вонзила клыки в руку с мечом. Он заорал, попытался стряхнуть собаку, но к ней на подмогу уже мчался другой пес. Парень еще орал, когда я мечом плашмя ударил его по затылку.

– Можешь отозвать собак, – сказал я пастуху.

Первый лучник все еще был жив, но на волосах над правым ухом у него запеклась кровь. Я сильно пнул его в ребра, и он застонал, хотя и не пришел в сознание. Я передал его лук и колчан пастуху.

– Как тебя зовут?

– Эгберт, господин.

– Теперь ты богач, Эгберт, – бросил я.

Жаль, что он так и не стал богачом. Я бы с радостью вознаградил Эгберта за его труды, но я к тому моменту сам был почти нищим, поскольку потратил деньги на людей, кольчуги, оружие – в общем, на все, что требовалось для разгрома Хэстена, – и вступил в зиму практически без средств.

Остальные разбойники исчезли, сбежали. Виллибальда трясло.

– Они искали тебя, господин, – пробормотал он сквозь стиснутые зубы. – Им заплатили, чтобы убить тебя.

Я задержался возле лучника. Камень, выпущенный пастухом, пробил ему череп, и между заляпанных кровью волос проглядывали кости. Одна из собак обнюхала его, и я похлопал ее по плотной шерсти.

– Хорошие собаки, – обратился я к Эгберту.

– Волкодавы, господин. – Он взвесил на руке пращу. – Но вот это получше.

– А ловко ты с ней обращаешься, – отметил я. Это было мягко сказано: на самом деле в его руках праща превращалась в смертоносное оружие.

– Все двадцать пять лет отрабатывал удар. Нет ничего лучше камня, чтобы отогнать волков.

– Значит, им заплатили, чтобы они убили меня? – уточнил я у Виллибальда.

– Так они сказали. Им заплатили за твое убийство.

– Иди в хижину, – велел я, – согрейся. – Я повернулся к молодому предводителю, которого стерег пес покрупнее. – Как тебя зовут?

Поколебавшись, он с явной неохотой произнес:

– Верфурт, господин.

– И кто заплатил тебе, чтобы ты убил меня?

– Не знаю, господин.

Кажется, он действительно не знал. Верфурт и его люди пришли со стороны Тофкестера, небольшого поселка на севере. Он поведал, как какой-то человек пообещал ему заплатить серебром по моему весу, если Верфурт убьет меня. Тот неизвестный наниматель сообщил, что напасть на меня лучше всего в воскресенье утром, так как все домочадцы будут в церкви. Для этой работы Верфурт завербовал с десятков бродяг. Вероятно, он понимал, что предприятие рискованное – обо мне ходила определенная слава, – но жажда наживы перевесила.

– Тот человек был даном или саксом? – спросил я.

– Саксом, господин.

– И ты не знаешь его?

– Нет, господин.

Я задал ему еще несколько вопросов, но он смог добавить лишь то, что незнакомец был тощим и лысым, без одного глаза. Описание ничего мне не дало. Одноглазый и лысый? Да это может быть кто угодно. Я допрашивал пленника, пока не выжал из него все бесполезные сведения, а потом вздернул и его, и лучника.

А Виллибальд показал мне волшебную рыбку.

* * *

Дома меня ждала делегация. Из Винтанкестера, столицы королевства Альфреда, прибыло шестнадцать человек, и

среди них оказалось по меньшей мере пять священников. Двое, как и Виллибальд, приехали из Уэссекса, еще двое, мерсийцы, представляли Восточную Англию. Я был знаком с обоими, хотя и не сразу узнал их. Тридцать лет назад я вместе с этими близнецами, Сеолнотом и Сеолбертом, был в заложниках в Мерсии. Нас, детей, захватили даны. Меня такая участь порадовала, а близнецы ее возненавидели. Сейчас этим совершенно одинаковым, крепко сбитым, круглолицым и седобородым священникам было под сорок.

– Мы следили за твоими успехами, – сказал один из них.

– С восхищением, – закончил другой.

Сейчас, так же как и в детстве, я не мог различить их. Они всегда заканчивали фразы друг за друга.

– С отторжением, – начал один.

– С восхищением, – добавил другой.

– С отторжением? – не без раздражения спросил я.

– Известно, что Альфред разочарован.

– Тем, что ты сторишься истинной веры, но...

– Мы ежедневно молимся за тебя!

Два других священника, оба западные саксы, были людьми Альфреда. Они помогли ему завершить составление свода законов и сейчас, судя по всему, приехали ко мне с советами. Священников сопровождали одиннадцать воинов: пятеро из Восточной Англии и шестеро из Уэссекса.

И они привезли волшебную рыбку.

– Король Эорик, – сказал то ли Сеолнот, то ли Сеолберт.

– Желает заключить союз с Уэссексом, – закончил его близнец.

– И с Мерсией!

– С христианскими королевствами, как ты понимаешь.

– А король Альфред и король Эдуард, – подхватил нить беседы Виллибальд, – отправили дары королю Эорику.

– Альфред еще жив?

– Хвала Господу, да, – ответил Виллибальд, – хотя и болеет.

– Он близок к смерти, – вмешался один из западных саксов.

– Альфред, когда родился, уже тогда был близок к смерти, – проворчал я, – и с тех пор, сколько я его знаю, он всегда умирает. Он проживет еще не меньше десятка лет.

– Дай, Боже, чтобы так и было, – сказал Виллибальд и осенил себя крестом. – Но ему уже пятьдесят, и он угасает. Король на самом деле умирает.

– Потому он и жаждет заключить союз, – продолжал западносакский священник. – Поэтому господин Эдуард обращается к тебе с просьбой.

– Король Эдуард, – поправил своего коллегу Виллибальд.

– Так кто обращается ко мне? – уточнил я. – Альфред Уэссекский или Эдуард Кентский?

– Эдуард, – сказал Виллибальд.

– Эорик, – хором сообщили Сеолнот и Сеолберт.

– Альфред, – произнес западносакский священник.

– Все они, – заключил Виллибальд. – Это важно для них всех, господин!

Как выяснилось, Эдуард, или Альфред, или они оба хотели, чтобы я поехал к королю Эорику из Восточной Англии. Эорик был даном, но принял христианство и прислал близнецов к Альфреду с предложением объединить в великий союз христианские части Британии.

– Король Эорик считает, что переговоры должен вести ты, – пояснил Сеолнот или Сеолберт.

– Опираясь на наши советы, – поспешно добавил один из западных саксов.

– Почему я? – спросил я у близнецов.

За них ответил Виллибальд:

– А кто знает Мерсию и Уэссекс лучше тебя?

– Многие.

– И эти многие пойдут за тобой куда угодно, – польстил мне Виллибальд.

Мы сидели за столом, на котором были расставлены кувшины с элем, доски с хлебом и сыром, миски с похлебкой и яблоками. В главном очаге горел огонь, отбрасывая блики на закопченные балки. Пастух оказался прав: дождь перешел в снег, который изредка залетал в зал через дымовое отверстие. Там, за палисадом, на голой ветке качались Верфурт и лучник, их тела уже стали пищей для голодных птиц. Большая часть моей дружины находилась в зале и прислушивалась к разговору.

– Не самое подходящее время года для заключения союзов, – заметил я.

– У Альфреда осталось мало времени, – сказал Виллибальд, – а он очень желает этого союза, господин. Если все христиане Британии объединятся, то, когда молодой Эдуард унаследует корону, его трон будет надежно защищен.

В его словах был резон, но вот зачем такой союз Эорику? Сколько я себя помню, этот король из Восточной Англии всегда метался между двух огней – христианами и язычниками, данами и саксами. С чего это вдруг он решил объявить о своей лояльности саксам?

– Из-за Кнута Ранулфсона, – пояснил один из близнецов, когда я задал вопрос.

– Он повел своих людей на юг, – добавил другой.

– В земли Зигурда Торрсона, – сказал я. – Знаю, я передал эту новость Альфреду. И Эорик боится Курта и Зигурда?

– Да, боится, – ответил Сеолнот или Сеолберт.

– Сейчас Кнут и Зигурд нападать не будут, – уверенно заявил я, – но вот весной могут.

Кнут и Зигурд, даны из Нортумбрии, как все норманны, были одержимы идеей завладеть всеми землями, где говорили на английском. Они снова и снова вторгались на эти территории и снова и снова терпели неудачу, однако очередные попытки с их стороны были неизбежны, так как сердце Уэссекса, сильнейшего бастиона всех саксов-христиан, слабело. Альфред умирал, и с его смертью Мерсию и Уэссекс обяза-

тельно наводнят язычники, неся с собой кровь и пожары.

– Но зачем Кнуту или Зигурду нападать на Эорика? – спросил я. – Им не нужна Восточная Англия, им нужны Мерсия и Уэссекс.

– Они хотят получить все, – ответил Сеолнот или Сеолберт.

– А за истинную веру будут жестоко карать, если мы ее не защитим, – добавил старший из двух западных саксов.

– Вот поэтому мы и молим тебя выковать этот союз, – объяснил Виллибальд.

– На Рождество, – вставил один из близнецов.

– И Альфред отправил Эорику подарок, – с энтузиазмом продолжал Виллибальд. – Альфред и Эдуард! Они проявили небывалую щедрость, господин!

Подарок был уложен в серебряный ларец, украшенный драгоценными камнями. Вокруг фигуры Христа с поднятыми руками на крышке шла надпись: «*Edward mec heht Gewyrscan*», обозначавшая, что Эдуард велел изготовить этот ковчег. Однако, скорее всего, это его отец отдал приказ, а потом отнес подобную щедрость на счет своего сына. Виллибальд с благоговением поднял крышку. Внутри ковчег был обит красной тканью. На маленькой подушечке размером с ладонь лежал рыбий скелет. Полный скелет без головы, с белым хребтом, с ребрами.

– Вот, – выдохнул Виллибальд, как будто боялся громким голосом потревожить кости.

– Дохлая селедка? – не веря своим глазам, изумился я. – И это дар Альфреда?

Все священники поспешили перекреститься.

– Может, вам подкинуть еще рыбьих костей? – веселился я. Посмотрел на Финана, своего ближайшего друга и командира моей дружины. – Ведь у нас есть дохлая рыба, да?

– Целая бочка, господин, – подтвердил тот.

– Господин Утред! – Как всегда, Виллибальда ошеломила моя колкость. – Это, – он дрожащим пальцем указал на скелет, – одна из двух рыб, которыми наш Господь накормил пять тысяч!

– Другая, наверное, оказалась просто огромной, – проговорил я. – Что это было? Кит?

Старший из западносакских священников устремил на меня суровый взгляд.

– Я советовал королю Эдуарду не возлагать на тебя эту миссию, – заявил он. – Я говорил ему, что нужно послать христианина.

– Так выберите кого-то другого, – парировал я. – Я бы предпочел праздновать Йоль¹ у себя дома.

– Он желает, чтобы это был ты, – с недовольным видом признался священник.

– Альфред тоже желает этого, – добавил Виллибальд и улыбнулся. – Он считает, что ты напугаешь Эорика.

¹ *Йоль* – древнегерманский языческий праздник зимнего солнцеворота. Впоследствии связанные с Йолем традиции были поглощены Рождеством.

– А зачем ему понадобилось пугать Эорика? – удивился я. – Мне казалось, что речь идет о союзе. Я ошибся?

– Король Эорик разрешает своим кораблям грабить наши торговые суда, – пояснил священник, – и должен возместить ущерб, прежде чем мы пообещаем ему свое покровительство. Король считает, что тебе удастся убедить его.

– Как я понимаю, нам придется уехать дней на десять. – Я мрачно оглядел священников. – И все это время я должен буду вас кормить?

– Да, господин, – радостно ответил Виллибальд.

Странная это штука – судьба. Я отказался принять христианство, предпочел северных богов, но всем сердцем полюбил Этельфлэд, дочь Альфреда, а она была христианкой, и это означало, что мой меч – на стороне креста.

А из этого, в свою очередь, следовало, что я проведу Йоль в Восточной Англии.

* * *

В Буккингахамм прибыл Осферт и привел с собой еще двадцать моих дружинников. Я вызвал их, потому что решил отправиться в Восточную Англию в сопровождении большого отряда. Может, король Эорик и предложил заключить союз, может, он и согласится на все, что от него потребует Альфред, но переговоры лучше вести с позиции силы, поэтому я собирался произвести впечатление мощью. Осферт и его лю-

ди наблюдали за Сестером, римским лагерем на северо-западной границе Мерсии, где нашел убежище Хэстен после разгрома при Бемфлеоте. Осферт, в типичной для него манере, торжественно поприветствовал меня. Парень редко улыбался, и его лицо всегда выражало неодобрение, как будто он осуждал все, на что падал взгляд. Но, думаю, в глубине души он радовался возвращению домой. Он был сыном Альфреда, рожденным от служанки в те времена, когда король еще не познал сомнительных радостей христианской веры. Альфред приказал воспитать сына-бастарда как священника, однако Осферт предпочел путь воина. Это был странный выбор – он никогда не испытывал азарта сражения, никогда не поддавался дикой ярости, которая заставляет человека хвататься за меч и затмевает разум, – однако сумел употребить качества, унаследованные от отца себе во благо и стал великолепным солдатом. Он отличался серьезностью, вдумчивостью и методичностью. Там, где мы с Финаном проявляли упрямство, Осферт действовал ловкостью и умением, что было совсем не плохо для воина.

– Хэстен все еще зализывает раны, – сообщил он мне.

– Зря мы его не прикончили, – буркнул я.

После того как я при Бемфлеоте разгромил флот и армию Хэстена, он отступил в Сестер. Меня так и подмывало последовать за Хэстеном и раз и навсегда покончить с ним, но Альфреду понадобилось, чтобы его дружина вернулась в Уэссекс, а мне не хватало людей для осады римской крепо-

сти в Сестере. Вот поэтому Хэстен все еще был жив. Мы наблюдали за ним, искали доказательства тому, что он вербует войско, однако Осферт считал, что на новые атаки сил у него пока не хватает.

– Ему придется наступить на горло своей гордости и принести кому-нибудь присягу верности, – заявил он.

– Зигурду или Кнуту, – сказал я. В настоящий момент Зигурд и Кнут были самыми могущественными данами в Британии, хотя ни один из них не являлся королем. Они имели земли, богатство, скот, серебро, корабли, людей и амбиции. – Только вот зачем им Восточная Англия? – вслух спросил я.

– А почему бы нет? – в свою очередь, поинтересовался Финан. Он был для меня самым близким человеком, тем, кому я всецело доверял в сражении.

– Потому что они хотят заполучить Уэссекс, – ответил я.

– Они хотят заполучить всю Британию, – возразил Финан.

– Они ждут, – предположил Осферт.

– Чего?

– Смерти Альфреда. – Он практически никогда не называл Альфреда отцом, словно, как и его отец, стыдился своего статуса.

– О, вот тут и начнется настоящий хаос, – с явным предвкушением произнес Финан.

– Из Эдуарда получится хороший король, – с осуждением проговорил Осферт.

– Ему придется побороться за трон, – заметил я. – Даны

будут проверять его на прочность.

– А ты будешь сражаться за него? – уточнил Осферт.

– Эдуард мне нравится, – уклончиво пробормотал я.

Он мне действительно нравился. Когда Эдуард был ребенком, я от души жалел его, потому что отец отдал его на воспитание жестоким священникам, чья обязанность заключалась в том, чтобы сделать из него идеального наследника, к которому перейдет христианское королевство Альфреда. Потом мы встретились с ним через много лет – это случилось как раз перед битвой при Бемфлеоте, – и я был потрясен, когда увидел перед собой напыщенного и нетерпимого к чужому мнению молодого парня. Однако в обществе воинов высокомерие быстро исчезало. В той битве он отважно сражался, а к настоящему времени, если верить рассказам Виллибальда, успел разобраться в том, что именно можно считать грехом.

– Его сестра наверняка захочет, чтобы ты поддержал его, – многозначительно сказал Осферт, на что Финан от души рассмеялся.

Все знали, что Этельфлэд – моя любовница, точно так же как и то, что ее отец – отец Осферта, но большинство делало вид, будто не знает этого, и Осферт, намекая на мои отношения с его единокровной сестрой, никогда не позволял себе больше, чем вот такие многозначительные замечания. Я бы предпочел провести Рождество с Этельфлэд, но Осферт предупредил меня, что ее не пригласили в Винтанкестер. Что до

меня, то я знал: никто не обрадуется моему присутствию за столом Альфреда. Кроме того, на меня уже возложили миссию доставить волшебную рыбку Эорику, и я опасался, что Зигурд и Кнут примутся разорять мои земли, пока я буду путешествовать по Восточной Англии.

Прошлым летом Зигурд и Кнут отплыли на юг и, пока армия Хэстена грабила Мерсию, подошли к южному побережью Уэссекса. Эти два дана задумали отвлечь на себя солдат Альфреда и тем самым дать возможность Хэстену разгуляться на северных границах Уэссекса, но король послал меня во главе своего войска. Хэстен был разгромлен, а Зигурд и Кнут вдруг обнаружили, что у них не хватает силенок захватить хотя бы один укрепленный бург на земле саксов, и вернулись на свои корабли. Я знал, что они не успокоятся. Ведь они даны, а это значит, что от них можно ждать любой гадости.

На следующий день я вместе с Финаном, Осфертом и еще тридцатью дружинниками по тающему снегу выступил на север в землю олдермена² Беорнота. Этот седой и хромой, вспыльчивый донельзя старик мне нравился. Его земли располагались на самом краю сакской Мерсии, и все территории к северу от него принадлежали данам, а это означало, что в течение последних нескольких лет он был вынужден защи-

² *Олдермен* – титул, восходящий к англосаксонскому периоду истории Великобритании. Присваивался людям благородного происхождения, которые назначались королем для управления шейрами (графствами). В начале XI в. этот титул трансформировался в графа.

щать свои поля и деревни от набегов людей Зигурда Торрсона.

– Господь всемогущий! – приветствовал он меня. – Неужто ты надеешься отпраздновать Рождество под моей крышей?

– Я предпочитаю хорошую еду, – ответил я.

– А я – приятных гостей, – отпарировал он и закричал слугам, чтобы те взяли у нас лошадей.

Он жил чуть на север и восток от Тофкестера в огромном доме, окруженном амбарами и конюшнями, которые защищал надежный палисад. Сейчас земля между домом и самым большим амбаром пропиталась кровью – там работали забойщики скота. Люди перерезали подколенные сухожилия у испуганных животных, валили их на землю и держали, пока помощники убивали их ударом топора в лоб. Еще дергающиеся трупы оттаскивали в сторону, и там женщины и дети ножами свеживали их, а потом за дело принимался мясник. Собаки внимательно наблюдали за всем этим и дрались за требуху, которую им изредка подбрасывали. В воздухе стоял сильный запах крови и навоза.

– Хороший выдался год, – сообщил мне Беорнот. – В два раза больше голов, чем в прошлом году. Даны оставили меня в покое.

– И не устраивают набеги? И не угоняют скот?

– Ну, было пару раз. – Он пожал плечами. За год, что прошел с нашей последней встречи, у него отнялись ноги, и те-

перь его повсюду носили на стуле. – Мне много лет, – продолжал он. – Мое тело умирает по кускам. Ты, наверное, хочешь эля?

Расположившись в зале, мы обменялись новостями. Он от души расхохотался, когда я рассказал ему о покушении на свою жизнь.

– Что, теперь принято обороняться овцами? – Он увидел, как в зал вошел сын, и крикнул ему: – Иди сюда, послушай, как господин Утред овцами выиграл битву!

Сына звали Беортсиг, и он, как и отец, был широкоплеч и носил бороду. Он посмеялся над историей, но его смех показался мне натянутым.

– Говоришь, эти мерзавцы пришли из Тофкестера? – уточнил он.

– Так сказал тот ублюдок.

– Это же наша земля, – покачал головой Беортсиг.

– Отверженные, – небрежно бросил Беорнот.

– И глупые, – добавил Беортсиг.

– Их нанял некто тощий, лысый и одноглазый, – сообщил я. – Вы не знаете такого?

– Очень похож на нашего священника, – не без удивления произнес Беорнот. Беортсиг промолчал. – Так что привело тебя сюда? – поинтересовался он. – Надеюсь, не желание опустошить мои бочонки с элем?

Я поведал ему о том, что Альфред поручил мне скрепить договор с Эориком и как посланники этого короля объясни-

ли стремление своего господина заключить этот союз страхом перед Зигурдом и Кнутом. Беорнот скептически скривился.

– Зигурда и Кнута не интересует Восточная Англия, – сказал он.

– А Эорик считает, что интересуется.

– Он дурак, – заявил Беорнот, – и всегда был дураком. Зигурду и Кнуту нужны Мерсия и Уэссекс.

– Как только они завладеют этими королевствами, господин, – негромко заговорил Осферт, обращаясь к нашему хозяину, – они захотят заполучить и Восточную Англию.

– Это верно, – согласился Беорнот.

– Так почему бы сначала не завладеть Восточной Англией? – продолжал Осферт. – И не пополнить людьми свои банды?

– Думаю, пока Альфред жив, ничего такого не случится. – Беорнот перекрестился. – И я буду молиться, чтобы он жил подольше.

– Аминь, – произнес Осферт.

– Итак, ты решил потревожить Зигурда? – спросил у меня Беорнот.

– Я хочу знать, что он собирается делать.

– Готовиться к Йолю, – предположил Беортсиг.

– Что означает, что весь следующий месяц он будет пьян, – добавил его отец.

– Он на целый год оставил нас в покое.

– А у меня нет желания ворошить осиное гнездо, – продолжал Беорнот. Он говорил с наигранной беспечностью, но было ясно, что старый олддермен тверд в своем намерении. Он понимал: мое продвижение на север может спровоцировать Зигурда, и тогда его поля снова будут топтать подковы вражеских коней, а мечи данов окропят кровью его земли.

– Я вынужден ехать в Восточную Англию, – сказал я, – а Зигурду наверняка придется не по душе идея союза между Эориком и Альфредом. Он может послать своих людей на юг, чтобы все узнали о его недовольстве.

Беорнот нахмурился:

– Или не послать.

– Вот это я и хотел бы выяснить, – сообщил я.

Беорнот что-то проворчал себе под нос, потом обратился ко мне:

– Господин Утред, тебе стало скучно? У тебя руки чешутся убить парочку данов?

– Я просто хочу их пощупать.

– Пощупать?

– Скоро половина Британии будет знать об этом договоре с Эориком, – пояснил я, – а кто больше всех заинтересован в том, чтобы помешать ему?

– Зигурд, – сразу признал Беорнот.

Иногда я воспринимал Британию как мельницу. В основании у нее лежит тяжелый и надежный жернов – Уэссекс, сверху – такой же тяжелый бегун из данов, а Мерсия пере-

малывается между ними. Мерсия виделась мне тем местом, где саксы и даны сражаются больше всего. Альфред поступил мудро, распространив свою власть на большую часть юга королевства, однако даны продолжали править на севере, и до настоящего момента силы были примерно равны, но обе стороны искали себе союзников. Даны уже пытались соблазнить валлийских правителей, однако те, хотя и питали тайную ненависть к саксам, все же опасались гнева христианского бога сильнее, чем данов, поэтому в большинстве своем валлийцы поддерживали хрупкий мир с Уэссексом. На востоке лежала непредсказуемая Восточная Англия, якобы христианское королевство, где правили даны. Восточная Англия могла бы склонить чашу весов. Если Эорик отправит своих людей сражаться против Уэссекса, тогда победят даны, но, если он вступит в союз с христианами, данов будет ждать неизбежное поражение.

Зигурд, размышляя я, захочет помешать подписанию договора, и у него для этого есть две недели. А не он ли послал ту шайку из тринадцати человек, чтобы убить меня? Здесь, перед очагом в доме Беорнота, ответ на этот вопрос казался мне очевидным. И если это он, то каков будет его следующий шаг?

- Значит, хочешь пощупать его? – уточнил Беорнот.
- Но не провоцировать, – пообещал я.
- Без резни? Без грабежей?
- Я ничего такого не стану затевать, – снова пообещал я.

– Одному Господу известно, что тебе удастся обнаружить, не прикончив парочку мерзавцев-данов, – задумчиво произнес Беорнот. – И все же. Иди и вынюхивай. Беортсиг пойдет с тобой.

Он посылал своего сына и дюжину дружинников, чтобы убедиться, что мы не нарушим обещание. Беорнот опасался, что мы собираемся опустошить несколько ферм данов и вернуться обратно с богатой добычей из скота, серебра и рабов, и рассчитывал, что его люди помешают этому. Однако я на самом деле только хотел понять, что творится на вражеских территориях.

Я не доверял Зигурду и его пособнику Кнуту. Оба мне нравились, но я знал, что они убьют меня с той же легкостью, с какой забивают зимний скот. Из двоих Зигурд был богаче, а Кнут – опаснее. Он был молод и уже успел снискать себе репутацию лихого рубаки, человека, чей меч уважали. Все это привлекало к нему множество людей. Они шли к нему даже из-за моря, приплывали в Британию, чтобы последовать за вождем, который обещает богатую добычу. Весной, думал я, даны обязательно вернуться или дождутся смерти Альфреда, так как знают, что смерть короля несет с собой неопределенность, а неопределенность дает массу возможностей.

Беортсиг думал о том же.

– Альфред действительно умирает? – спросил он, когда мы уже выехали на север.

– Так все говорят.

– Так говорили и раньше.

– Много раз, – согласился я.

– И ты веришь в это?

– Сам я его не видел, – ответил я.

Во дворце меня не ждал бы радушный прием, если бы я захотел повидать короля. Мне сообщили, что на Рождество Этельфлэд уехала в Винтанкестер, но, скорее всего, ее вызвали к одру умирающего короля, а не к пиршественному столу.

– И Эдуард станет преемником? – допытывался Беортсиг.

– Так хочет Альфред.

– А кто будет королем Мерсии? – не унимался он.

– В Мерсии нет короля.

– А должен быть, – с горечью произнес он. – Причем не западный сакс! Мы же мерсийцы, а не западные саксы.

Я промолчал. Когда-то в Мерсии были короли, но сейчас эта земля подчинялась Уэссексу. Так захотел Альфред. Его дочь была замужем за самым богатым из мерсийских олдерменов, и все говорило о том, что большинство саксов, проживавших в Мерсии, вполне довольны протекторатом Альфреда. Однако не всем мерсийцам нравилось доминирование западных саксов. Когда Альфред умрет, могущественные мерсийцы начнут поглядывать на свой пустующий трон, и среди них наверняка окажется Беортсиг.

– Наши предки были здесь королями.

– Мои предки были королями в Нортумбрии, – заявил я, –

но я не хочу сесть на трон.

– В Мерсии должен править мерсиец, – настойчиво произнес он.

Кажется, ему было неуютно в моем обществе, или, возможно, его тревожило то, что он едет по землям, на которые претендует Зигурд.

Мы двигались напрямик на север, и под низким зимним солнцем наши тени скользили впереди нас. Первая ферма, мимо которой мы проехали, представляла собой сожженные руины. К середине дня мы добрались до какой-то деревушки. Ее обитатели наверняка заметили нас, поэтому я вместе со своими людьми отправился в ближайший лес. Мы рыскали в зарослях, пока не вытащили из укрытия семейную пару. Это были саксы, раб с женой. Они рассказали, что их хозяин – дан.

– Он дома? – спросил я.

– Нет, господин. – Мужчина стоял на коленях, дрожал и боялся поднять на меня глаза.

– Как его зовут?

– Ярл Йорвен, господин.

Я посмотрел на Беортсига, и тот пожал плечами.

– Йорвен – один из людей Зигурда, – пояснил он, – и совсем не ярл. У него в подчинении не больше сорока или тридцати дружинников.

– А его жена дома? – спросил я у коленопреклоненного мужчины.

– Там она, господин, и с нею дружинники, но их немного.

Остальные ушли.

– Куда ушли?

– Не знаю, господин.

Я бросил ему серебряную монетку. Конечно, мне это было не по средствам, но господин есть господин.

– Приближается Йоль, – напомнил Беортсиг, – и Йорвен, наверное, уехал в Ситринган.

– Ситринган?

– До нас доходили слухи, что там собираются праздновать Йоль Зигурд и Кнут, – ответил он.

Мы отъехали от деревушки и вернулись на пропитавшийся водой выпас. Теперь солнце было затянуто тучами, и я подумал, что скоро начнется дождь.

– Расскажи мне о Йорвене, – попросил я Беортсига.

Он опять пожал плечами:

– Дан, естественно. Заявился два лета назад, и Зигурд отдал ему эту землю.

– Он родственник Зигурда?

– Не знаю.

– Сколько ему?

Снова пожатие плеч.

– Молодой.

А почему он отправился на праздник без своей жены? Я едва не задал этот вопрос вслух, но потом решил, что Беортсиг вряд ли знает ответ, а от его личного мнения мне про-

ку мало, поэтому промолчал. Пришпорив коня, я въехал на холм, откуда мне был виден красивый дом Йорвена, с покато́й крышей и бычьим черепом на высоком фронте. Солома была свежей и не успела покрыться мхом. Дом окружал палисад. Во дворе два человека наблюдали за нами.

– Хороший момент, чтобы напасть на Йорвена, – с беззаботным видом бросил я.

– Они не трогают нас, – напомнил Беортсиг.

– Думаешь, так будет всегда?

– Я думаю, что нам нужно вернуться, – сказал он, а в ответ на мое молчание добавил: – Если мы хотим добраться до дома засветло.

Вместо этого я поехал дальше на север, игнорируя жалобы Беортсига. Мы оставили владения Йорвена целыми и невредимыми, перевалили через невысокий хребет и увидели широкую долину. Поднимавшиеся столбы дыма указывали на деревни или фермы, а слабые отблески под пасмурным небом – на реку. Замечательное место, плодородная почва, достаточно воды. За такими землями и гоняются даны.

– Говоришь, у Йорвена тридцать или сорок дружинников? – обратился я к Беортсигу.

– Не больше.

– Получается, одна корабельная команда, – подытожил я. Значит, Йорвен и его приверженцы пересекли море на одном корабле и поклялись в верности Зигурду, который в награду отдал им приграничные земли. При нападении саксов Йо-

рвен наверняка бы погиб, но он сознательно пошел на этот риск, а награда может оказаться больше, если Зигурд решит выступить на юг. – Прошлым летом Хэстен вам досаждал? – спросил я Беортсига, подгоняя лошадь.

– Нас не трогали. Бесчинствовали дальше на западе.

Я кивнул. Отец Беортсига устал от противостояния с данами и сейчас платит дань Зигурду. Ничем иным невозможно объяснить тот мир, что пришел на земли Беорнота. Хэстен же наверняка оставил земли Беорнота в покое по приказу Зигурда. Хэстен никогда бы не осмелился оскорбить Зигурда и обходил стороной земли тех саксов, которые платили за мир. Поэтому для набегов у него осталась бóльшая часть Южной Мерсии, и он зверствовал там до тех пор, пока я не разгромил его при Бемфлеоте. После чего он в страхе бежал в Сестер.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил Финан. Мы спускались, направляясь к реке. Накрапывал дождь, дул ветер. Мы с Финаном ускакали вперед, чтобы нас не слышали Беортсиг и его люди.

– С какой стати человек отправляется на празднование Йоля без своей жены? – задал я мучивший меня вопрос.

Он пожал плечами:

– А может, она уродина. Или для празднеств у него есть кто-то помоложе и покрасивее?

– Не исключено, – согласился я.

– Его могли просто вызвать, – добавил Финан.

– С какой стати Зигурду созывать своих воинов в середине зимы?

– Потому что он знает насчет Эорика?

– Вот это меня и беспокоит.

Дождь усилился, порывы ветра стали резче. День, мрачный и холодный, близился к концу. Тут и там лежали ошметки нерастаявшего снега. Беортсиг все настаивал, чтобы мы повернули обратно, но я продолжал ехать на север и при этом намеренно держался поближе к двум крупным поместьям. Кто бы ни охранял эти земли, они наверняка уже заметили нас, однако никто не счел нужным выехать нам навстречу и выяснить, кто мы такие. Надо же, сорок вооруженных мужчин в кольчугах, со щитами и мечами, едут по их землям, а они не утруждают себя тем, чтобы узнать, что нам здесь надо? Это навело меня на мысль, что поместья охраняются плохо. Кто бы нас ни видел, они предпочли не связываться – в надежде, что мы проедем мимо.

А потом впереди обнаружилась довольно глубокая колея, почти канава. Я остановил лошадь на краю. Канава уходила в заливные луга на южном берегу реки, водная гладь которой стала рябой от дождевых капель. Я развернул лошадь и поехал прочь, сделав вид, будто меня не заинтересовало утоптанное дно канавы и глубокие отпечатки подков.

– Мы возвращаемся, – бросил я Беортсигу.

Канаву протоптали лошади. Ко мне вплотную подъехал Финан.

– Восемьдесят человек, – сообщил он.

Я доверял его суждениям и кивнул. Два отряда проехали с запада на восток, и копыта их лошадей протоптали канаву в пропитавшейся влагой почве. И куда же направляются эти два отряда? Я придержал своего коня, чтобы дать возможность Беортсигу догнать нас.

– И где, ты говоришь, Зигурд празднует Йоль? – спросил я.

– В Ситрингане.

– А где Ситринган?

Он указал на север.

– День пути, а может, и два. Там у него дом для празднеств.

Ситринган лежит на севере, а лошадиные следы ведут на восток.

Кто-то лжет.

Глава вторая

Я не осознавал, насколько важен Альфреду этот договор, пока не вернулся в Буккингхамм и не обнаружил там шестнадцать монахов, которые увлеченно поедали мои продукты и пили мой эль. Самые младшие из них были безусыми подростками, старший же, предводитель, – тучным дядькой моего возраста. Его звали брат Джон, и он настолько сильно заплыл жиром, что с трудом поклонился мне.

– Он из Франкии, – гордо объявил Виллибальд.

– Что он здесь делает?

– Брат Джон – королевский певчий! Возглавляет хор.

– Хор? – изумленно переспросил я.

– Мы поем, – молвил брат Джон раскатистым голосом, который, казалось, звучал из его необъятного брюха. Он повернулся к своим монахам, властно взмахнул рукой. – «*Soli Deo Gloria*»³. – И закричал: – Всем встать! Глубокий вдох! По моей команде! Один! Два! – Они запели. – Рот открыть! – командовал брат Джон. – Шире рот! Громче! Из желудка! Чтоб я вас услышал!

– Хватит! – тоже заорал я, прежде чем они допели первую строку, потом передал меч Осви, своему слуге, и подошел к очагу, чтобы согреться. – С какой стати, – обратился я к Виллибальду, – я должен кормить поющих монахов?

³ «*Soli Deo Gloria*» – церковный гимн «Лишь Богу будет слава».

– Нам необходимо произвести впечатление, это важно, – ответил он, с сомнением глядя на мою заляпанную грязью кольчугу. – Мы же представляем Уэссекс, господин, и мы должны показать всю роскошь двора Альфреда.

Вместе с монахами Альфред прислал знамена и хоругви. На одном красовался уэссекский дракон, на других были вышиты святые или иные священные изображения.

– Мы и эти тряпки потащим с собой? – уточнил я.

– Конечно, – ответил Виллибальд.

– А я могу взять знамя с Тором? Или с Одином?

Виллибальд вздохнул.

– Прошу тебя, господин, не надо.

– А почему бы нам не взять хоругви с женщинами-святыми? – осведомился я.

– Уверен, это можно, – сказал Виллибальд, довольный моим предложением, – если тебе так хочется.

– Одну из тех святых, которую раздели догола, прежде чем убить, – добавил я, и священник опять вздохнул.

Сигунн принесла мне рог с элем, и я звонко ее чмокнул.

– Здесь все в порядке? – спросил я у нее.

Она перевела взгляд на монахов и пожала плечами. Я заметил, что Сигунн вызвала у Виллибальда живейший интерес, особенно после того, как я обнял ее и прижал к себе.

– Моя женщина, – объяснил я всем.

– Но... – начал он и тут же замолчал. Он думал об Этельфлэд, однако у него не хватило духу произнести ее имя.

Я улыбнулся ему:

– У тебя ко мне какой-то вопрос, отец?

– Нет-нет, – поспешно проговорил священник.

Я посмотрел на самую большую хоругвь, огромный и яркий прямоугольник бледно-желтого полотна с вышитым распятием. Она была такой огромной, что ее могли нести только двое, а если бы дул сильный ветер, то им на подмогу понадобился бы еще кто-то.

– Эорику известно, что мы ведем с собой целую армию? – спросил я у Виллибальда.

– Его предупредили, что от нас прибудет сто человек.

– А Зигурда и Кнута он не ждет? – ледяным тоном осведомился я, и священник тупо уставился на меня. – Даны знают о договоре, – пояснил я, – и обязательно попытаются помешать.

– Помешать? Но как?

– А ты как думаешь? – усмехнулся я.

Старик побледнел.

– Король Эорик отправляет нам навстречу отряд, – сказал он.

– Сюда? – возмутился я, сразу подумав, что тогда мне придется кормить еще большую ораву.

– В Хунтандон, и оттуда они будут сопровождать нас на Элег.

– Зачем мы едем в Восточную Англию? – спросил я.

– Чтобы заключить договор, естественно, – ответил Вил-

либальд, озадаченный моим вопросом.

– Тогда почему Эорик не отправляет своих людей в Уэссекс?

– Эорик уже прислал своих людей, господин! Приехали Сеолберт и Сеолнот. Договор – это было предложение короля Эорика.

– Тогда почему бы его не подписать и не скрепить в Уэссексе? – продолжал я допрос.

Виллибальд пожал плечами.

– А это имеет значение, господин? – с долей нетерпения парировал он. – Ведь предполагается, что через три дня мы встретимся в Хунтандоне, но если испортится погода... – Он притих.

Я слышал о Хунтандоне, хотя и не бывал там. Город располагался где-то за нечеткой границей между Мерсией и Восточной Англией. Я поманил к себе близнецов, Сеолберта и Сеолнота, и они вскочили из-за стола, где беседовали с двумя священниками, приехавшими с Виллибальдом из Уэссекса, и поспешили ко мне.

– Если бы мне надо было отсюда ехать на Элег, – обратился я к ним, – какую дорогу мне следовало бы выбрать?

Они несколько секунд переговаривались, потом один из них сообщил, что кратчайший путь лежит через Грантакастер.

– Оттуда, – продолжил другой, – идет римская дорога напрямиком на остров.

– Остров?

– Элег – это остров, – сказал один из близнецов.

– В болоте, – добавил другой.

– С конвентом!

– Который сожгли язычники.

– Хотя церковь уже восстановили.

– Хвала Господу.

– Конвент построила святая Этельред.

– А она была замужем за нортумбрийцем, – сказал то ли Сеолнот, то ли Сеолберт, решив umasлить меня, потому что я нортумбриец.

Я господин Беббанбурга, хотя в этой мощной крепости на берегу моря уже давно обитает мой злобный родственник. Он украл ее у меня, и я собирался ее вернуть.

– Итак, Хунтандон, – уточнил я, – стоит на дороге в Грантакастер?

Мое невежество удивило близнецов.

– Вовсе нет, господин, – объявил один из них, – Хунтандон гораздо дальше на север.

– Тогда зачем мы туда едем?

– Король Эорик, – начал другой близнец и замолчал. Стало ясно, что ни он, ни его брат не задумывались над этим вопросом.

– Этот путь не хуже любого другого, – предположил первый.

– Лучше, чем через Грантакастер? – грозно осведомился

я.

– Почти такой же хороший, господин, – ответил один из них.

Бывают моменты, когда человек чувствует себя диким кабаном, на которого идет охота. Он слышит охотников, слышит лай собак и прикидывает, каким путем убежать, но не может выбрать одно конкретное направление, потому что звуки доносятся отовсюду и ниоткуда. Все, из того что мне было сказано, неправильно. Абсолютно все. Я подозвал Ситрика, который когда-то был моим слугой, а теперь стал дружинником.

– Найди кого-нибудь, – велел я, – кого угодно, кто знает Хунтандон. Приведи его сюда. Я хочу, чтобы он был здесь к завтрашнему дню.

– Где я его отыщу? – поинтересовался Ситрик.

– Откуда я знаю? Иди в город. Поговори с людьми в тавернах.

Ситрик, тощий и узколицый, обиженно посмотрел на меня.

– Мне искать этого человека по тавернам? – спросил он с таким видом, будто я требовал от него невозможного.

– Купца! – заорал я ему. – Найди кого-нибудь, кто много путешествует! И не напейся. Найди и приведи ко мне.

Взгляд Ситрика не прояснился, – и правда, кому же захочется идти куда-то в такой холод? На мгновение он стал похож на своего отца, Кьяртана Безжалостного, но все же овла-

дел собой и, резко повернувшись, пошел прочь. Финан, внимательно наблюдавший за Ситриком, успокоился.

– Найди кого-нибудь, кто знает, как добраться до Хунтандона, до Грантакастера и до Элега, – крикнул я вслед Ситрику, однако он ничем не показал, что услышал меня, и шагнул прочь из дома.

Уэссекс я знал достаточно хорошо, Мерсию – частями и продолжал изучать ее. Я знал все земли, что лежали вокруг Беббанбурга и Лундена, но вот остальная Британия была для меня тайной за семью печатями. Мне нужен был человек, который знал бы Восточную Англию так же хорошо, как я знал Уэссекс.

– Мы знаем все эти места, господин, – сказал один из близнецов.

Я не обратил внимания на его слова, потому что близнецы никогда не смогли бы понять мои страхи. Сеолберт и Сеолнот посвятили себя обращению данов в христианство, и они воспринимали готовящийся договор с Эориком как доказательство тому, что их бог выигрывает битву против языческих идолов. Так что от них было мало пользы в том, чтобы разрешить мучившие меня сомнения.

– А Эорик, – обратился я к ним, – отправляет своих людей на встречу с нами в Хунтандон?

– Да, в качестве эскорта, господин. Наверное, его поведет ярл Оссител.

Я слышал об Оссителе. Он был командиром телохрани-

телей Эорика и, следовательно, главным дружинником Восточной Англии.

– И сколько человек он с собою приведет? – продолжал я свои расспросы.

Близнецы пожали плечами.

– Может, сотню? – сказал один.

– Или две? – предположил другой.

– А потом мы все вместе поедem на Элег, – радостно объявил первый.

– И запоем, как маленькие птички, – встрял в разговор брат Джон.

Они что, рассчитывают, что я отправлюсь в Восточную Англию с охапкой ярких хоругвей и в сопровождении команды поющих монахов? Вот Зигурд будет в восторге! В его интересах помешать заключению договора, а лучший способ добиться этого – устроить мне засаду где-нибудь на пути в Хунтандон. Я не утверждал наверняка, что он именно это и планирует, я просто предполагал. Насколько мне было известно, Зигурд действительно собирался праздновать Йоль, и зимняя кампания, имеющая целью помешать заключению договора между Уэссексом, Мерсией и Восточной Англией, в его намерения не входила. Однако тому, кто думает, будто его враг спит, долго не выжить. Я легонько шлепнул Сигунн по попе.

– Ты хотела бы провести Йоль на Элече? – спросил я.

– Рождество, – не удержавшись, поправил меня один из

близнецов, но заметил мой взгляд и съежился.

– Я бы предпочла встретить Йоль здесь, – ответила Сигунн.

– Мы едем на Элег, – сказал я, – и ты наденешь золотые цепи, которые я подарил тебе. Важно, чтобы мы произвели впечатление, – добавил я и посмотрел на Виллибальда. – Не так ли, отец?

– Тебе нельзя брать ее с собой! – зашипел он.

– Нельзя?

Он всплеснул руками. Ему хотелось сказать, что красивая данка-язычница своим присутствием запятнает великолепие посольства Альфреда, однако у него не хватило смелости, чтобы произнести это вслух. Он просто уставился на Сигунн, гибкую, стройную девушку с белой кожей, голубыми глазами и сияющими волосами цвета расплавленного золота. В свои семнадцать лет она была вдовой дана, убитого нами при Бемфлеоте. Ее красоту подчеркивало пышное бледно-желтое платье с вышитыми драконами по подолу, вырезу и рукавам. Ее шею и запястья украшало золото – символ того, что она занимает привилегированное положение и является собственностью господина. Она принадлежала мне. В своей жизни Сигунн общалась лишь с людьми Хэстена, а Хэстен находился по другую сторону Британии, в Сестере.

Вот поэтому я и собирался взять Сигунн с собой.

То был Йоль восемьсот девяносто восьмого года, и кто-то пытался убить меня.

Я же рассчитывал опередить его.

* * *

Хотя Ситрик проявил странное нежелание подчиняться моим приказам, человек, которого он привел ко мне, оказался очень полезным. Молодой – чуть за двадцать, – назвался магом, что означало, что он действительно путешествует из города в город и продает талисманы и обереги. Представился Луддой, однако я усомнился, что имя настоящее. Его сопровождала маленькая девочка по имени Тег, с копной темных спутанных волос на голове. Она мрачно уставилась на меня исподлобья и, кажется, что-то бормотала себе под нос.

– Она творит заклинание? – спросил я.

– Она может, господин, – ответил Лудда.

– Так творит?

– О нет, господин, – поспешно заверил меня Лудда.

Он, как и девочка, стоял на коленях. Его открытое лицо с распахнутыми голубыми глазами, пухлыми губами и жизне-радостной улыбкой могло ввести в заблуждение кого угодно. За спиной у него висела сума, в которой он, по всей видимости, хранил свои амулеты, наверняка представлявшие собой по большей части «чертовы пальцы»⁴ или блестящие голыши. Еще у него была связка кожаных мешочков с одним-дву-

⁴ Имеются в виду останки раковин древних головоногих моллюсков – белемнитов.

мя ржавыми кусочками железа.

– Что там? – поинтересовался я, поддавая ногой мешочки.

– Ой! – негромко воскликнул он и улыбнулся.

– Те, кто обманывает людей, живущих на моей земле, наказываются очень строго, – сказал я.

– Обманывают, господин? – Взгляд у него стал невинным.

– Я их топлю или вешаю. Видел там трупы?

На вязе висели те двое, что пытались убить меня.

– Их нельзя не заметить, господин, – подтвердил Лудда.

Я поднял самый маленький мешочек и открыл его. На ладонь выпало два ржавых гвоздя.

– Ты обещаешь людям, что, если они положат вот это под подушку и произнесут молитву, железо обратится в серебро?

Его большие голубые глаза расширились.

– Но зачем мне рассказывать им такие вещи, господин?

– Чтобы разбогатеть, продавая куски железа в сто раз дороже их истинной стоимости.

– Если люди будут истово молиться, тогда всемогущий Господь услышит их, не так ли? И это было бы не по-христиански – лишать простых людей надежды на чудо, господин.

– Мне следовало бы вздернуть тебя.

– Лучше повесь ее, – быстро проговорил Лудда, указывая на девочку, – она валлийка.

Я не удержался от смеха. Девочка продолжала хмуриться, и я отвесил Лудде дружеский подзатыльник. Много лет назад, веря, что молитва поможет мне обратить ржавое железо

в золото, я купил такой же чудо-мешочек у такого же проходимца, как этот Лудда. Я велел ему встать и приказал слугам принесли самозваному магу и девчонке еды и эля.

– Если бы я решил отправиться отсюда в Хунтандон, – спросил я, – какой дорогой мне следовало бы ехать?

Он несколько мгновений обдумывал вопрос, выискивая в нем подвох, потом пожал плечами:

– Это нетрудное путешествие, господин. Езжай на восток до Беданфорда, и там есть хорошая дорога до местечка под названием Энульфсбириг. Переправитесь через реку, господин, и держите путь на север и восток до Хунтандона.

– Какую реку?

– Уз, господин. – Он заколебался. – Известно, что язычники поднимались по реке Уз до самого Энульфсбирига. Там есть мост. Мост есть и в Хунтандоне, вот по нему вы и переправитесь через реку.

– Значит, мне нужно дважды переправиться через реку?

– Трижды, господин. Еще и у Беданфорда, но там вброд, естественно.

– То есть мне придется все время перебираться через реки? – уточнил я.

– Если желаешь, господин, можно продвигаться по северному берегу, тогда не придется переправляться через реку, но времени займет больше, и на берегу нет хорошей дороги.

– А где еще можно перейти реку вброд?

– Только за Беданфордом, господин, да и там это будет

непросто после сильных дождей. Река наверняка разлилась.

Я кивнул, поигрывая серебряными монетками, и ни Лудда, ни Тег не могли отвести от них взгляд.

– А скажи-ка мне вот что, – снова заговорил я. – Если бы ты хотел нажиться на обитателях Элега, какой дорогой ты поехал бы туда?

– О, тогда через Грантакастер, – мгновенно ответил он. – Это кратчайший путь, а в Грантакастере все очень доверчивые.

– А каково расстояние от Энульфсбирига до Хунтандона?

– Утро пути, господин. Совсем рядом.

Я подбросил монетки.

– А на пути есть мосты? – спросил я. – Деревянные или каменные?

– Оба деревянные, господин. Раньше были каменные, но римские арки рухнули.

Он рассказал мне о других поселениях в долине Уз, о том, что там больше саксов, чем данов, хотя фермы все еще платят дань норманнским правителям. Я позволил ему говорить, а сам думал о реке, через которую нужно переправляться. Если Зигурд собирается устроить мне засаду, размышляя, то лучшего места, чем Энульфсбириг, где нам придется переходить реку по мосту, не найти. Хунтандон он точно не выбрал бы, потому что к северу от реки, на возвышенности, нас будет ждать военный отряд Восточной Англии.

Не исключено и то, что Зигурд вообще ничего не затевает.

Вполне возможно, я вижу опасность там, где ее нет.

– Ты бывал в Ситрингане? – спросил я у Лудды.

Он удивился, вероятно потому, что Ситринган находился очень далеко от тех городов, о которых я его расспрашивал.

– Да, господин, – ответил он.

– А что там?

– Там у ярла Зигурда дом для празднеств, господин. Он живет в нем, когда охотится в окрестных лесах.

– Дом окружен палисадом?

– Нет, господин. Он огромный, но большую часть времени пустует.

– Я слышал, Зигурд проведет там Йоль.

– Вполне возможно, господин.

Я кивнул, спрятал монетки в кошель и увидел разочарование на лице Лудды.

– Я тебе заплачу, – пообещал я, – когда мы вернемся.

– Мы? – нервно выдохнул он.

– Ты, Лудда, едешь с нами. Любой воин будет рад обществу мага, а маг должен радоваться, что у него эскорт из дружинников.

– Да, господин, – произнес он с наигранной радостью.

Мы выступили на следующее утро. Монахи шли пешком, что здорово замедляло нас, но я никуда не спешил. Я взял с собой почти всех своих людей, оставив для охраны всего несколько дружинников. В общей сложности нас было около сотни, правда, из них только пятьдесят воинов, осталь-

ные же – церковники и слуги, да еще Сигунн, единственная женщина. Мои люди надели свои лучшие кольчуги. Двадцать из них шли в авангарде, остальные формировали арьергард. Монахи, священники и слуги шли или ехали в центре. Шестеро моих людей продвигались на флангах, разведывая обстановку. Я не предвидел никаких неожиданностей на отрезке между Буккингахаммом и Беданфордом, ничего и не случилось. Раньше я в Беданфорде не бывал и сейчас увидел мрачный, полупустой город, ужавшийся до размеров напуганной деревушки. Когда-то к северу от реки стояла большая церковь, где, как считалось, был похоронен король Оффа, тиран Мерсии, но даны сожгли ее и разорили королевскую могилу в поисках драгоценностей. Мы переночевали в холодном, неуютном амбаре. Я почти всю ночь прободрствовал с часовыми, которые мерзли в своих меховых плащах. Утром на плоскую, грязновато-коричневую, пропитавшуюся влагой землю лег туман.

В этом тумане мы переправились через реку, которая вилась по долине плавными, ленивыми изгибами. Я отправил на разведку Финана в сопровождении двадцати человек, он вернулся и сообщил, что противника нигде не видно.

– Противника? – удивился Виллибальд. – А с какой стати нам ждать противника?

– Мы воины, – объяснил я ему, – и мы всегда предполагаем наличие противника.

Он покачал головой:

– Это земля Эорика. Она дружелюбная.

Брод оказался довольно глубоким, а вода – холодной до зубовного скрежета, и я переправил монахов на огромном плоту, который мы потом вытащили на южный берег и оставили на всякий случай. Миновав реку, двинулись по римской дороге, тянувшейся через широкие заливные луга. Туман растаял, и в свои права вступил ясный, но холодный день. Я был напряжен. Порой, когда волчья стая начинает доставлять слишком много проблем, но при этом постоянно ускользает от нас, мы ставим ловушки. Привязываем несколько овец на открытой местности, а волкодавов прячем с подветренной стороны и ждем. Если волки приходят, всадники и собаки выскакивают из укрытий, окружают стаю и отстреливают зверюг. И сейчас меня не покидало ощущение, что мы играем роль вот таких овец. Мы продвигались на север с высоко поднятыми хоругвями, во всеуслышание заявляя о своем присутствии, а волки наблюдали за нами. Никаких сомнений.

Я взял Финана, Сигунн, Лудду, Ситрика и еще четверых и съехал с дороги, приказав Осферту вести наш отряд дальше, до Энкульфсбирига, но через реку там не переправляться.

Мы отправились на разведку. Разведка – это своего рода искусство. В обычной ситуации я пустил бы вперед две пары всадников. Одна пара обследовала бы холмы или леса и, убедившись, что противника поблизости нет, дала бы сигнал второй паре, которая отправилась бы обследовать другой

участок местности. Однако сейчас на это времени не было. Поэтому мы помчались во весь опор. Я выдал Лудде кольчугу, шлем и меч, Сигунн же, которая ездила верхом не хуже любого мужчины, просто завернулась в плотный плащ из меха выдры.

Мы миновали Энульфсбириг ближе к полудню и повернули на западную окраину городка. Там, спрятавшись в полумраке зимнего леса, я изучал реку, мост и крохотные хижины с тростниковыми крышами, над которыми поднимался дым.

– Там никого нет, – через какое-то время сказал Финан. В плане зоркости я доверял ему больше, чем себе. – Во всяком случае, нет никого, из-за кого стоило бы беспокоиться.

– Если только они не в домах, – предположил я.

– А лошади? Их не спрятали бы внутри. Давай я это выясню?

Я покачал головой. Вряд ли даны там. Возможно, их вообще нет поблизости. Я подозревал, что они наблюдают за Энульфсбиригом, но, вероятно, с дальнего берега реки, где за лугами рос лес, в котором могла спрятаться целая армия. Еще я допускал, что Зигурд позволит нам переправиться через реку, чтобы отрезать путь к отступлению, и только потом атакует. Хотя вполне возможно, что сейчас он сидит у себя дома и пьет мед, а я просто воображаю несуществующие опасности.

– Едем дальше на север, – распорядился я, и мы поскакали

по полю, засаженному озимыми.

– Чего ты ждешь, господин? – спросил Лудда.

– Чтобы ты держал свой рот на замке, если нам встретятся даны, – ответил я.

– Я бы так и поступил, – с долей обиды сказал он.

– И молись, чтобы эти ублюдки нам не встретились, – буркнул я.

Я боялся, что Осферт угодит в засаду, однако внутренний голос подсказывал мне, что враг нам не грозит. Если вообще этот враг существует. Мне казалось, что мост в Энульфсбириге – это идеальное место для засады, однако на этом берегу, насколько хватало взгляда, мы никого не видели, а ведь если бы Зигурд решил устроить засаду, ему пришлось бы расставлять людей по обоим берегам.

Теперь мы продвигались вперед с большей осторожностью, то и дело останавливаясь под прикрытием деревьев. Мы углубились на север гораздо дальше той дороги, на которой Зигурд ожидал бы нашего появления. Если он действительно поставил отряд, чтобы отрезать нам путь к отступлению, я рассчитывал найти его. И уже стал подумывать, что мои страхи беспочвенны, что никакая опасность нам не угрожает, как вдруг случилось нечто странное.

Мы отъехали примерно на три мили от Энульфсбирига и скакали по заливным лугам с редкими рошицами. Река была справа в полумиле от нас. Неожиданно мы заметили дымок над лесочком на дальнем берегу реки, однако я не при-

дал этому значения, решив, что там стоит дом. А вот Финан увидел нечто большее.

– Господин! – позвал он.

Я осадил лошадь и посмотрел туда, куда он указывал. В том месте река поворачивала на восток, и в дальнем конце изгиба из-под голых веток ив торчали два корабельных носа. Очертания звериных голов были абсолютно четкими. Я разглядел их только после того, как на них указал Финан, этот ирландец, обладавший самым острым на земле зрением.

– Два судна, – добавил он.

У кораблей не было мачт, – вероятно, команде пришлось сесть на весла, чтобы пройти под мостом у Хунтандона. Откуда они? Из Восточной Англии? Я вглядывался, но людей не видел. Хотя что можно было разглядеть – ведь корпуса скрывали ивовые ветки. Однако торчащих носов было достаточно, чтобы понять: суда стоят там, где я их не ожидал. Позади меня Лудда опять рассказывал, как даны-рейдеры на веслах ходили до самого Энульфсбирига.

– Тише, – велел я ему.

– Да, господин.

– Может, они просто встали на зимовку? – предположил Финан.

Я покачал головой.

– Они бы вытащили их из воды. И зачем выставлять на показ звериные морды?

Мы устанавливали на нос голову дракона или волка, толь-

ко когда находились во вражеских водах, поэтому я был почти уверен, что эти корабли не из Восточной Англии. Я повернулся в седле, чтобы увидеть Лудду.

– Помни, что ты должен держать рот на замке.

– Да, господин, – сказал он. Его глаза сияли: судя по всему, нашему магу нравилось быть воином.

– А вы все, – продолжал я, – убедитесь, что ваши кресты спрятаны.

Большинство моих людей были христианами и носили крестики. Я увидел, как они поспешно прячут свои обереги под рубахи. Свой же молот я прятать не стал.

Пришпорив лошадей, мы выехали из леса и поскакали по лугу. Мы не преодолели и половины пути, когда одно из носовых чудовищ дернулось и одно из двух судов, стоявших на якоре у противоположного берега, двинулось через реку. На носу появились три человека. Все трое были в кольчугах. Я высоко поднял руки, показывая, что у меня нет оружия, и заставил свою лошадь идти медленно, как будто она устала.

– Кто ты? – крикнул мне один из троицы.

Он обратился ко мне на языке данов, но меня удивил крестик, висевший поверх кольчуги, деревянный с крохотной серебряной фигуркой Христа. Может, крестик трофейный? Мне трудно было представить, что среди воинов Зигурда есть христиане, однако корабли точно принадлежали данам. Теперь я смог разглядеть и других людей, в общей сложности на обоих кораблях их было человек сорок.

Я остановился, давая окликнувшему меня мужчине рассмотреть себя. Он видел перед собой господина в богатой амуниции и верхом на лошади в серебряной упряжи. От его взгляда точно не укрылись ни сияющие на солнце браслеты, ни молот Тора.

– Кто ты, господин? – с уважением проговорил он.

– Я Хокон Хоконсон, – назвал я выдуманное имя, – и служу ярлу Хэстену.

Я сочинил такую легенду, исходя из того, что никто из приспешников Зигурда не знаком с войском Хэстена и, следовательно, не будет допытывать меня вопросами. А на тот случай, если бы вопросы возникли, у меня была Сигунн, которая много времени провела в обществе старого дана, – она и предоставит все нужные сведения. Именно для этого я и прихватил ее с собой.

– Иванн Иваррсон, – назвал я человека на корабле. Моя речь хоть и слегка успокоила его, но не развеяла все опасения. – Какое у тебя дело? – все так же уважительно спросил он.

– Я ищу ярла Йорвена, – ответил я, выбрав имя хозяина того самого поместья, к которому мы подъезжали вместе с Беортсигом.

– Йорвена?

– Он служит ярлу Зигурду, – пояснил я.

– А разве он с ним? – спросил Иванн.

Его, кажется, совсем не удивило то, что я ищу одного из

людей Зигурда так далеко от его владений. Это стало для меня первым подтверждением того, что Зигурд неподалеку. Значит, он покинул свои земли и перебрался в земли Эорика, где у него нет никаких дел, кроме как помешать подписанию договора.

– Так мне сообщили, – беззаботно произнес я.

– Тогда он на том берегу, – сказал Иванн, и вдруг на его лице отразилось сомнение. – Господин? – Теперь его голос звучал настороженно. – Позволь задать тебе вопрос.

– Позволяю, – напыщенно сказал я.

– Ты хочешь навредить Йорвену, господин?

Я расхохотался.

– Я хочу оказать ему услугу, – заявил я, развернулся и сорвал капюшон с головы Сигунн. – Она убежала от него, – пояснил я, – а ярл Хэстен считает, что он не прочь заполучить ее назад.

Глаза Иванна расширились. Сигунн, белокожая, хрупкая, была самой настоящей красавицей, а еще ей удалось изобразить страх, пока люди Иванна разглядывали ее.

– Любой захотел бы вернуть ее, – пробормотал Иванн.

– Йорвен наверняка накажет эту сучку, – с наигранной беспечностью продолжал я, – но может, он сначала даст тебе попользоваться ею? – Я снова накинул капюшон и скрыл лицо Сигунн от внимательных взглядов. – Ты служишь ярлу Зигурду? – уточнил я.

– Мы служим королю Эорику, – ответил тот.

В христианском Писании есть одна история, только я забыл, о ком она, и не стану звать одного из священников своей жены, чтобы он рассказал мне ее, потому что этот священник наверняка сочтет своим долгом предупредить, что я окажусь в аду, если не паду ниц перед его пригвожденным Богом. В общем, суть истории в том, что один человек куда-то ехал, и тут яркая вспышка света ослепила его, и он стал видеть все ясно и четко. Вот так я и почувствовал себя в тот момент.

У Эорика был повод ненавидеть меня. Я сжег Дамнок, город в Восточной Англии, на побережье, и хотя у меня были веские основания превратить этот замечательный порт в руины, Эорик наверняка не забыл тот пожар. До сих пор я думал, что он простил мне обиду, движимый желанием заключить союз с Уэссексом и Мерсией, однако сейчас увидел его вероломство. Он жаждет моей смерти. Как и Зигурд, только у Зигурда повод более практичный. Он хочет повести данов на юг, чтобы атаковать Мерсию и Уэссекс, и он знает, кто возглавит армию противника. Утред из Беббанбурга. Это не хвастовство. У меня действительно есть определенная репутация. Люди боятся Утреда. Если убрать меня с дороги, завоевание Мерсии и Уэссекса значительно упростится.

И еще в тот момент, стоя на заливном лугу, я увидел, какая ловушка мне подстроена. Эорик, изображая из себя доброго христианина, предложил мою кандидатуру для переговоров от имени Альфреда. Это было сделано для того, чтобы заманить меня в те земли, где у Зигурда есть возможность

устроить мне засаду. Зигурд – и я в этом не сомневался – не упустит такого шанса, а Эорик выйдет сухим из воды.

– Господин? – окликнул Иванн, озадаченный моим молчанием. Я сообразил, что все это время тарасился на него.

– Зигурд вторгся в земли Эорика? – спросил я, изображая полнейшего глупца.

– Это не вторжение, господин, – ответил Иванн и увидел, что я смотрю на противоположный берег реки, хотя там не на что было смотреть, кроме полей и деревьев. – Ярл Зигурд охотится, господин, – добавил он с лукавым выражением на лице.

– И для этого вы оставили драконьи головы на кораблях? – спросил я.

Фигуры, которые мы устанавливаем на носу наших судов, предназначены для того, чтобы напугать противника и остудить его боевой дух, и мы обычно снимаем их, когда находимся в дружественных водах.

– Это не драконы, – покачал головой Иванн, – это христианские львы. Король Эорик требует, чтобы они всегда были на носу.

– Что это за звери такие – львы?

Он пожал плечами:

– Король говорит, что это львы, господин. – Иванн явно не знал ответа на мой вопрос.

– Что ж, сегодня замечательный день для охоты, – сказал я. – А ты почему не участвуешь в охоте?

– Мы ждем, когда надо будет переправить охотников на тот берег, если вдруг добыча отправится туда.

Я притворился обрадованным:

– О, так, значит, ты можешь переправить нас?

– А лошади умеют плавать?

– Куда им деваться, – хмыкнул я. Проще заставить лошадей плыть, чем уговаривать их зайти на корабль. – Мы сейчас приведем остальных, – добавил я, поворачивая коня.

– Остальных? – Успокоившегося было Иванна вновь охватили сильнейшие подозрения.

– Ее горничных, – пояснил я, указывая большим пальцем на Сигунн, – и двоих моих слуг. А еще у нас есть вьючные лошади. Мы оставили их на одной ферме. – Я махнул рукой на запад и дал знак своим товарищам следовать за мной.

– Вы могли бы оставить девушку здесь! – с надеждой предложил Иванн, но я сделал вид, будто не услышал, и поскакал к деревьям.

– Ублюдки, – бросил я Финану, когда мы скрылись под пологом леса.

– Ублюдки?

– Эорик заманил нас сюда, чтобы дать возможность Зигурду разделаться с нами, – объяснил я. – Но Зигурд не знает, каким берегом реки мы пойдем, вот и оставил тут корабли для переправы, на случай если мы окажемся на этом.

Я крепко задумался. Возможно, засада не у Энульфсбрига, а дальше на восток, у Хунтандона. Зигурд позволит мне

переправиться через реку и решит атаковать у следующего моста, где силы Эорика станут наковальной для его молота.

– Ты, – указал я на Ситрика, и тот коротко кивнул, – возьми Лудду и найди Осферта. Скажи ему, чтобы шел сюда со всеми воинами. Монахи и священники пусть останутся на дороге. Передай, чтобы они стояли на месте и никуда не двигались, ясно? После этого возвращайся сюда, но так, чтобы люди на кораблях тебя не заметили. А теперь вперед!

– Что передать отцу Виллибальду? – уточнил Ситрик.

– Что он круглый дурак и что я спасаю его никчемную жизнь. Вперед! Поторопись!

Мы с Финаном спешили, и я передал поводья Сигунн.

– Отведи лошадей подальше в лес, – велел я, – и жди.

Мы с Финаном залегли у края леса. Мы сильно обеспокоили Ивана, потому что он несколько минут смотрел в нашу сторону и лишь потом пошел к кораблю.

– А что будем делать мы? – спросил Финан.

– Уничтожим эти корабли, – ответил я.

Я был готов и на большее. Я был готов на то, чтобы полоснуть Вздохом Змея по жирной шее короля Эорика, однако в настоящий момент дичью были мы, и я не сомневался: у Зигурда и Эорика воинов более чем достаточно, чтобы за просто разделаться с нами. А еще они точно знают, сколько у меня людей. Наверняка Зигурд поставил разведчиков у Беданфорда, и ему уже передали, какое количество всадников движется к его ловушке. Он позаботился о том, чтобы мы

заметили его людей. Наверняка хочет, чтобы мы перешли по мосту в Энкульфсбириге, а потом собирается зайти нам в тыл, дабы мы оказались между его силами и войском короля Эорика. Если все получится так, как он хочет, не будет никакого сражения. Будет обыкновенная резня. А если бы мы случайно пошли северным берегом реки, корабли Иванна переправили бы людей Зигурда через Уз и они стали бы преследовать нас. Ведь он даже не удосужился надежно спрятать суда. Почему? Считает, что я не усмотрю ничего угрожающего в том, что два восточно-английских корабля стоят на якоре на восточно-английской реке. Получается, что, на каком бы берегу я ни оказался, мне не миновать его ловушки. Весть о резне достигнет Уэссекса через несколько дней, и Эорик будет клясться, что не имеет никакого отношения к этому зверскому преступлению. Он свалит всю вину на язычника Зигурда.

Вместо этого я испорчу жизнь Эорику и поддену Зигурда, а потом отправлюсь праздновать Йоль в Буккингахамм.

Мои люди пришли во второй половине дня. Солнце на зимнем небе клонилось к закату, а значит, оно будет слепить людей Иванна. Я быстро дал указания Осферту и отправил его в сопровождении еще шести дружинников к монахам и священникам. Я выждал некоторое время, чтобы он успел добраться до них, а затем, когда солнце опустилось еще ниже, раскинул собственные сети.

Я взял Финана, Сигунн и еще семерых. Сигунн ехала вер-

хом, мы же шли пешком. Иванн ожидал увидеть маленькую компанию, вот я ему ее и показал. Пока нас не было, он уже успел вернуться к тому берегу, и сейчас его люди энергично гребли, спеша к нам.

– У него на корабле двадцать человек, – сказал я Финану, прикидывая, какое количество противника нам по силам одолеть.

– По двадцать на каждом, господин, – заметил Финан. – Над тем леском вьется дымок, – добавил он, – так что не исключено, что людей у него значительно больше.

– Они не станут переправляться через реку, чтобы быть убитыми. – При каждом шаге под ногами хлюпала вода. Ветра совсем не было. За рекой на вязах еще держались бледно-желтые листья. – Когда начнем убивать, – обратился я к Сигунн, – ты возьмешь наших лошадей и поскачешь в лес.

Она кивнула. Я взял ее с собой, потому что Иванн рассчитывал ее увидеть и потому что она была красавицей, а это означало, что все его внимание будет отвлечено на нее и он не взглянет в сторону той рощицы, где ждали мои люди. Я надеялся, что они хорошо спрятались, но оглядываться и проверять не решался.

Иванн уже успел выбраться на берег и привязать корабль к тополю. Течение отнесло корму вниз, судно встало корпусом вдоль берега. Это давало возможность людям Иванна в любой момент перепрыгнуть на берег. Нас же было всего восемь, и Иванн внимательно наблюдал за нами. В ту нашу

встречу я сказал ему, что приведу с собой слуг. На самом деле никаких слуг у меня не было, но человек видит то, что хочет, а он не сводил глаз с Сигунн. Он спокойно стоял и ждал нас, ничего не подозревая.

Я улыбнулся ему.

– Ты служишь Эорику? – крикнул я, когда мы подошли поближе.

– Да, господин, я же тебе говорил, – ответил он.

– И он хочет убить Утреда? – спросил я.

На его лице появились первые проблески сомнения. Я же продолжал улыбаться.

– Вам известно о... – начал он свой вопрос, но так и не закончил его, потому что я выхватил Вдох Змея, и это послужило сигналом для моих людей. Воины пришпорили лошадей и выскочили из леса. Они мчались ровной шеренгой, из-под копыт взлетали брызги и комья земли. Всадники держали на изготовку копья и топоры и прикрывались щитами. Они олицетворяли собою смерть, ворвавшуюся в унылый зимний день. Я замахнулся мечом на Иванна, рассчитывая отогнать его подальше от корабля, но тот попятился и упал в воду между корпусом и берегом.

На этом все закончилось.

Берег вдруг заполонили всадники, пар, валивший от лошадей, быстро растворялся в холодном воздухе. Иванн молил о пощаде, а его команда, застигнутая врасплох, даже не сделала попытки вытащить оружие. От долгого сидения на

корабле они замерзли, от скуки потеряли бдительность, и появление моих людей в боевой амуниции, со сверкающими клинками, острыми, как лед, который еще лежал в тенистых местах, – все это привело их в ужас.

Моряки другого корабля оцепенело наблюдали за своими товарищами и тоже не спешили бросаться в бой. Саксы и даны, они были людьми Эорика, главным образом христиানে, и ими не двигали те амбиции, что подгоняли голодное войско Зигурда. Я знал, что те даны где-то на востоке ждут, когда наши монахи и дружинники переправятся через реку. Эти же люди на кораблях не желали участвовать в чем-то подобном, их работа состояла в том, чтобы ждать, и все они предпочли бы сидеть дома у очага, а не воевать. Когда я предложил им жизнь в обмен на капитуляцию, они так рассыпались в благодарностях, что это тронуло меня до глубины души. К тому же с дальнего судна им кричали, чтобы те не сопротивлялись. Мы переправились на корабле Ивана на противоположный берег и в итоге овладели обоими судами, не пролив ни капли крови. Мы забрали у людей Эорика кольчуги, оружие, шлемы и перевезли всю эту добычу на наш берег. Команды мы оставили на том берегу, всех, кроме Ивана, которого я взял в плен, а корабли сожгли. Чтобы согреться, моряки развели костер, и мы, взяв из этого костра горящую ветку, подпалили суда. Я убедился, что огонь охватил оба корпуса, потом полюбовался, как пламя пожирает скамьи для гребцов, и мы поскакали на юг.

Дым от горящих кораблей будет сигналом Зигурду, ясным знаком, что его тщательно продуманная затея провалилась. Вскоре он узнает обо всем от моряков Эорика, но пока его разведчики видят только монахов и священников у моста в Энульфсбириге. Я велел Осферту вывести наш отряд на открытое место на берегу и позаботиться о том, чтобы шум и гам привлек внимание. Конечно, в этом был определенный риск, даны Зигурда могли напасть на практически беззащитных церковников, но я рассчитывал, что они будут ждать до тех пор, пока не убедятся, что и я там. Они и ждали.

По прибытии в Энульфсбириг мы обнаружили поющий хор. Это Осферт приказал им петь, и они стояли и пели, держа над собою хоругви.

– Громче, убудки! – заорал я, когда мы двинулись к мосту. – Пойте громче, мелкие пташки!

– Господин Утред! – подбежал ко мне отец Виллибальд. – Что происходит? Что случилось?

– Я решил начать войну, отец мой, – бодро сообщил я. – Война гораздо интереснее мира.

Он ошеломленно уставился на меня. Я слез с седла и увидел, что Осферт выполнил мой приказ и разложил растопку на деревянном покрытии моста.

– Это солома, – сообщил он, – и она мокрая.

– Высохнет, когда загорится, – сказал я.

Солома была сложена поперек моста и скрывала низкую баррикаду из досок и бревен. Внизу по течению дым от горя-

щих кораблей сгустился и темным столбом поднимался высоко в небо. Солнце почти село и отбрасывало длинные тени на восток, туда, где находился Зигурд, которому, вероятно, уже доложили о моем приближении.

– Ты начал войну? – снова догнал меня Виллибальд.

– Стена из щитов! – закричал я. – Строимся здесь! – Я собирался выстроить стену из щитов на мосту. Для нас не имело значения, сколько людей у Зигурда, потому что на узком пространстве между тяжелыми бревенчатыми парапетами нам могла противостоять только жалкая горстка.

– Мы пришли с миром! – попытался остановить меня Виллибальд.

Близнецы, Сеолберт и Сеолнот, тоже возмущались действиями Финана, который расставлял в боевой порядок наших воинов. Мост был достаточно широким, чтобы на нем шеренгой могли разместиться шестеро мужчин с сомкнутыми вплотную щитами. У нас получилось четыре шеренги.

– Мы пришли, – повернулся я к Виллибальду, – потому что Эорик предал тебя. Он и не думал о мире. Он думал только о том, чтобы облегчить себе войну. Спроси его. – Я указал на Иванна. – Иди поговори с ним и оставь меня в покое! Да, и передай тем монахам, чтобы они прекратили свои зазывания.

А потом из рощи на дальнем краю пропитавшегося влагой поля появились даны. Множество, наверное сотни две, и над ними развевалось знамя с летящим вороном. Все они были

верхом, и вел их Зигурд, скакавший на огромном белом жеребце. Он увидел, что мы поджидаем его и что для атаки ему придется послать своих людей на узкий мост, свернул с пути в сторону, остановил лошадь, спешился и пошел к нам. Его сопровождал молодой человек, но именно Зигурд привлекал к себе внимание: крупный, широкоплечий, с исполованным шрамами лицом, с длинной бородой, заплетенной в две толстые косы, обмотанные вокруг шеи. В его шлеме отражался красноватый закат. Он не счел нужным прикрыться щитом или обнажить меч, однако с первого взгляда было видно, что это ярл в роскошном боевом облачении, в отделанном золотом шлеме, с толстой золотой цепью, сверкавшей из-под бороды, с широкими золотыми браслетами на руках. Золото сверкало и на ножнах, и на рукоятке меча. Украшения молодого человека были из серебра – цепь на шее и серебряное кольцо по верхней части шлема. Вид у юноши был надменный, взгляд – наглый и враждебный.

Я переступил через солому и пошел навстречу этой парочке.

– Господин Утред, – язвительным тоном поприветствовал меня Зигурд.

– Ярл Зигурд, – таким же тоном ответил я.

– Я предупреждал их, что ты не дурак, – сказал он.

Солнце теперь висело над самым горизонтом, и Зигурду приходилось шуриться, чтобы видеть меня. Он сплюнул на траву.

– Десять твоих против восьмерых моих, – предложил он, – прямо тут. – Зигурд потопал по земле. Он хотел выманить моих людей с моста и знал, что я не приму его предложение.

– Позволь мне сразиться с ним, – заговорил его спутник. Я пренебрежительно оглядел юнца с ног до головы.

– Мне нравится убивать взрослых противников, которые уже бреются, а не каких-то молокососов, – бросил я и перевел взгляд на Зигурда. – Ты против меня, – предложил я, – прямо здесь. – Я потопал по скованной льдом дороге.

Зигурд улыбнулся, обнажая желтые зубы.

– Утред, я бы прикончил тебя, – спокойно произнес он, – и избавил бы мир от бесполезного куска дерьма, но мне придется отложить это приятное занятие.

Он поднял правый рукав и показал шину на предплечье. Шина представляла собой две деревянные планки, туго стянутые льняными полосами. Я также увидел любопытный шрам на его ладони: два пореза, образывавшие крест. Зигурд не был трусом, однако не был и дураком. Он понимал, что ему нельзя вступать в поединок, пока сломанная кость не срослась.

– Ты опять сражаешься с бабами? – спросил я, кивая на странный шрам.

Он молча уставился на меня. Я думал, что Зигурд переваривает нанесенное ему оскорбление, но оказалось, что он просто размышляет.

– Дай мне сразиться с ним! – опять подал голос юнец.

– Закрой рот, – грозно произнес Зигурд.

Я взглянул на парня. На вид ему было восемнадцать или девятнадцать, он еще не вошел в силу, но уже обрел уверенность в себе и научился заносчивости. У него была очень красивая кольчуга, вероятно франкская, а руки унизывали браслеты, которые так обожают даны, однако я подозревал, что все эти украшения он получил не на поле битвы.

– Мой сын, – представил его Зигурд. – Зигурд Зигурдсон.

Я кивнул ему, Зигурд же Младший лишь смерил меня надменным взглядом. Ему ужасно хотелось показать себя, но отец был категорически против.

– Мой единственный сын, – добавил он.

– Похоже, он так и ищет смерти, – сказал я, – и, если так жаждет поединка, я готов пойти ему навстречу.

– Его время еще не пришло, – покачал головой Зигурд. – Я знаю, потому что говорил с Эльфаделль.

– Эльфаделль?

– Она видит будущее, – ответил Зигурд, и его голос прозвучал серьезно, без малейшего намека на насмешку. – Она предсказывает будущее.

До меня доходили слухи об Эльфаделль. Туманные, как дым, они плыли над Британией, рассказывая, что на севере есть одна колдунья, которая говорит с богами. Одно упоминание ее имени, которое было созвучно нашему слову, обозначающему ночной кошмар, заставляло христиан осенять себя крестным знаменем.

Я пожал плечами, показывая, что мне нет дела до Эльфаделль.

– И что же эта старуха тебе поведала?

Зигурд поморщился.

– Она говорит, что ни один сын Альфреда не будет править Британией.

– И ты веришь ей? – спросил я, хотя и так видел, что верит, ведь он рассказывал об этом спокойно и просто, как если бы называл цену на скотину.

– Ты бы тоже ей поверил, если бы дожил до встречи с ней.

– Это ведьма тебе сказала?

– Если мы с тобою встретимся, сказала она, твой вождь умрет.

– Мой вождь? – Я сделал вид, будто эти слова меня позабавили.

– Ты, – мрачно произнес Зигурд.

Я сплюнул.

– Как я понимаю, Эорик хорошо тебе заплатил за то, чтобы мы тут почесали языками.

– Он заплатит, – буркнул Зигурд, повернулся и, схватив за локоть своего сына, пошел прочь.

Хотя я и вел себя вызывающе, мне в душу все же закрался страх. А вдруг колдунья Эльфаделль сказала правду? Ведь боги и в самом деле говорят с нами, только необычными словами. Неужели мне суждено умереть здесь, на берегу этой реки? Зигурд верит в это и собирает своих людей для атаки.

Если бы ему не предсказали исход этого сражения, он бы никогда не отважился на такую авантюру. Никто, даже самый опытный воин, не будет рассчитывать на то, что ему удастся пробить стену из щитов, выстроенную мною между парапетами. А вот люди, вдохновленные предсказанием, пойдут на любую глупость в уверенности, что их победа предрешена судьбой. Я прикоснулся к рукояти Вздоха Змея, потом дотронулся до молота Тора и вернулся на мост.

– Зажигай огонь, – сказал я Осферту.

Настало время поджечь мост и отступить, и Зигурд, если у него хватит мудрости, оставит нас в покое. Он лишился шанса заманить нас в засаду, наша позиция на мосту оказалась угрожающе прочной, однако в его голове звучало предсказание некой странной колдуньи, и Зигурд принялся распалять речами своих людей. Я слышал их разгоряченные выкрики, слышал, как они стучали мечами по щитам. Затем все даны спешили и выстроились в шеренгу. Осферт принес факел и бросил его в кипу соломы. Все мгновенно заволокло дымом. Даны взвыли, когда я протолкался через нашу стену из щитов.

– Уж слишком сильно он жаждет вашей смерти, господин, – с усмешкой произнес Финан.

– Он глупец, – ответил я.

Я скрыл от Финана предсказание колдуньи. Пусть он и христианин, но верит в то, что в подлеске снуют эльфы и что по ночам на облаках танцуют призраки, и, если бы я сооб-

шил ему о колдунье Эльфаделль, он испытал бы такой же страх, как тот, что сжал мое сердце. Если Зигурд атакует, мне придется вступить в бой, потому что нам нужно удерживать мост до тех пор, пока огонь не разгорится, – Осферт оказался прав насчет розжига. Это был тростник, а не солома, причем влажный, и пламя пожирало его с большой неохотой. Он дымил, но жара от него не хватало, для того чтобы занялись толстые бревна настила, которые Осферт успел подрубить боевым топором.

Люди Зигурда мрачно смотрели на нас. Они продолжали стучать мечами и топорами по тяжелым щитам и требовали, чтобы их повели в атаку. Северяне понимали, что их будет слепить солнце, что они задохнутся в удушливом дыму, но все равно настаивали. Слава – это всё. Это единственное, что открывает нам путь в Валгаллу, и тот, кто повергнет меня, приобретет эту славу. Вот так в свете умирающего дня они и ожесточали себя, желая напасть на нас.

– Отец Виллибальд! – крикнул я.

– Господин? – услышал я нервный возглас с берега.

– Принеси сюда большую хоругвь! И приведи двух монахов, чтобы они подняли ее над нами!

– Да, господин, – ответил он. Голос его был удивленным и одновременно довольным.

Двое монахов принесли широкое льняное полотнище с вышитым распятием Христа. Я велел им встать как можно ближе к последней шеренге и дал им в помощь двоих дру-

жинников. Если бы дул хотя бы слабый ветерок, нам бы не удалось поднять эту штуковину. Однако, по счастью, ветра не было, и над нами воспарила яркая картина. Золотые нити засверкали в лучах заходящего солнца. На зеленом, коричневом и синем фоне отчетливо выделялись темно-красные потеки крови в том месте, где солдат копьем пронзил тело Христа. Виллибальд наверняка решил, что я волшебством его веры хочу поддержать боевой дух в своих людях, и я не стал его разубеждать.

– Это прикроет солнце, господин, – предупредил меня Финан, имея в виду то, что мы потеряем преимущество и солнце не будет слепить данов.

– Ненадолго, – сказал я. – Держите крепче! – крикнул я двум монахам, которые с трудом удерживали толстенные жерди.

И в этот момент, вероятно разозленные реющей хоругвью, даны с боевым кличем ринулись вперед.

Я вдруг вспомнил, как впервые оказался в стене из щитов. Молоденький, напуганный, я вместе с Татвином и его мерсийцами стоял на почти таком же мосту, как этот, и на нас неслась толпа валлийских скотокрадов. Сначала они осыпали нас градом стрел, потом пошли врукопашную, и на том мосту я впервые испытал азарт битвы.

Сегодня же, уже на другом мосту, я обнажил Осиное Жало. Мой большой меч назывался Вздох Змея, а его младший брат – Осиное Жало. Он был поменьше, но столь же смер-

тоносный, особенно если приходилось биться в такой обстановке, как сейчас. Когда воины стоят вплотную друг к другу, когда их щиты смыкаются, когда каждый чувствует дыхание товарища и видит блох в его бороде, когда нет возможности замахнуться топором или длинным мечом, вот тогда в дело вступает Осиное Жало, острый меч, несущий с собой ужас.

И ужас действительно овладел душами данов. Перед атакой они видели только кучи розжига и решили, что там лишь влажный дымящийся тростник. Однако под тростник Осферт подложил доски с крыш, и когда авангард данов попытался ногами раскидать розжиг, их удары пришлись по плотной древесине.

Некоторые из них метнули копья, и те воткнулись в наши щиты. Это, конечно, утяжелило щиты, но для нас особого значения не имело. Задние ряды атакующих давили на передние, тех сдерживала баррикада из досок, и многие падали. Одного из таких я ударил в лицо мыском подбитого железом сапога и почувствовал, как хрустнула кость. Даны так стремились добраться до нас, что шли по телам своих упавших товарищей, а мы их убивали. Двое все же прорвались, несмотря на все преграды, и один из них стал добычей Осиного Жала, вынырнувшего из-под края его щита. Он как раз замахнулся топором, удар которого принял на свой щит воин позади меня, так что, когда я пронзил дана, тот все еще держался за рукоятку. Я увидел, как расширились его глаза, увидел, как злобный оскал на его лице превратился в гри-

масу отчаяния. Потом дернул лезвие вверх, а Сердик, стоявший в шеренге рядом со мной, закончил дело топором. Тут я заметил, что дан, получивший удар сапогом в лицо, держит меня за щиколотку. Я стряхнул его, и в этот момент на меня брызнула кровь с топора Сердика. Дан у моих ног с воем попытался отползти прочь, но Финан пронзил мечом его ногу, потом еще раз. Другой дан зацепил топором мой щит, стремясь опрокинуть его, чтобы открыть меня для удара копьем, однако топор соскользнул с полукруглого края, щит выровнялся, и копье, задев его, отлетело в сторону. Я же тем временем нанес удар Осиным Жалом и вновь ощутил, как меч нашел цель, и развернул его в теле противника. Финан, распевая свою безумную ирландскую песнь, тоже вносил лепту в эту резню.

– Сомкнуть щиты! – крикнул я своим людям.

Мы каждый день отрабатывали эту тактику. Если стена из щитов ломается, в свои права вступает смерть, но если стена стоит прочно, тогда гибнет враг. Первые даны, набросившиеся на нас в диком азарте, вдохновленные предсказанием колдуньи, были остановлены баррикадой и превратились в легкую добычу для наших мечей. Отсутствие боевых навыков и утрата боевого духа, после того как провалилась первая атака, – все это лишило их шанса пробить нашу стену из щитов. Видя, что трое уже лежат в горящем тростнике, а баррикада из дымящихся досок целехонька, остальные атакующие побежали на берег, спасая свои жизни. Зигурд уже

приготовил новый отряд из двадцати крупных воинов с копьями. Все были настроены очень решительно, но, в отличие от первого отряда, действовали хладнокровно и обдуманно. Они были из тех, кто тоже стоял в стене из щитов и убивал противника, кто знает свое дело. Азарт битвы не застилал им глаза, они не собирались опрометью бросаться на нас и применяли другую тактику: медленно выдвинуться вперед и длинными копьями пробить стену, чтобы открыть нас для воинов, вооруженных мечами и топорами.

– Сражайся за нас, Господь! – взывал Виллибальд, когда даны подошли к мосту.

Они ступили на настил с большой осторожностью и при этом не сводили с нас глаз. Кто-то выкрикивал оскорбления, но я их едва слышал. Я наблюдал за ними. Мое лицо и кольчуга были забрызганы кровью. Мой щит с воткнувшимся в него вражеским копьем оттягивал руку. Лезвие Осиного Жала покраснело от крови.

– Низвергни их, Господи! – молился Виллибальд. – Истреби язычников! Порази их в своем величайшем милосердии!

Монахи опять запели. Даны оттащили в сторону мертвых и умирающих, чтобы расчистить себе место для атаки. Они были близко, очень близко, но вне пределов досягаемости наших мечей. Я увидел, как сомкнулись их щиты, увидел, как поднялись копья, и разобрал короткую команду.

А еще я услышал, как над шумом и гамом прозвучал пронзительный голос Виллибальда:

– Господь ведет нас, сражайтесь за Господа нашего Иисуса Христа, поражение не для нас!

Я расхохотался.

– Давай! – заорал я тем двоим, что помогали монахам. – Давай!

Огромная хоругвь повалилась вперед. Дамы при дворе Альфреда трудились над ней несколько месяцев, крохотными стежками укладывая на полотно дорогую окрашенную шерстяную нить. Месяцами они возносили молитвы и вкладывали в свою работу всю любовь и умение. И вот сейчас фигура Христа повалилась на первые ряды данов. Полотно упало на атакующих, как рыболовная сеть, ослепило их и сковало. Я отдал приказ, и мы пошли в атаку.

Легко уклониться от копья, когда копейщик не видит тебя. Я велел второй шеренге вырывать копья у противника, чтобы ничто не мешало нам их убивать. Топор Сердика крушил все вокруг, из-под лезвия летели клочья полотна и мозги. Под боевые кличи мы строили новую баррикаду из данов. Меч Финана рубил руки копейщикам, и даны тщетно пытались увернуться от его ударов. Мы рубили их и пронзали насквозь, а огонь позади нас разгорался. Я уже стал ощущать его жар. Ситрик вошел в боевой азарт. Оскалившись, он размахивал длинным топором, обрушивая его на головы врагов.

Я швырнул Осиное Жало в сторону нашего берега и подхватил выпавший у кого-то топор. Никогда не любил сра-

жаться топором. Уж больно неуклюжее оружие. Если первый удар оказывается неудачным, на новый замах приходится тратить много времени, которое враг может использовать для удара. Однако сейчас противник уже был повержен. Полотнище хоругви покраснело от настоящей крови, пропиталось ею насквозь. Ухватившись за топорище, я вгонял лезвие в плоть врага, разрубая кольчуги и кости. Я задышался от дыма, даны вопили, мои люди кричали, и солнце превратилось в оранжевый шар на западе, а земля у моста окрасилась в красный.

Мы отступили от этого ужаса. Я увидел, как на удивление радостное лицо Христа исчезает в огне, пожирающем хоругвь. Осферт подбросил еще тростника и досок, и пламя быстро набирало силу. Люди Зигурда получили сполна. Они тоже отошли и теперь стояли на противоположном берегу, наблюдая, как огонь захватывает мост. Мы перетащили на свою сторону четыре вражеских трупа и содрали с них серебряные цепи, браслеты и ремни с эмалевыми пряжками. Зигурд, сидя верхом на своем белом жеребце, пристально смотрел на меня. Его сынок с мрачным видом – юнец был недоволен тем, что ему запретили участвовать в битве, – сплюнул в нашу сторону. Зигурд же молчал.

– Эльфаделль ошиблась, – крикнул я.

Однако она не полностью ошиблась. Наш вождь умер, возможно, во второй раз, и на обуглившихся кусках ткани еще можно было разглядеть то место, где Он был и где на Него

набросился огонь.

Я ждал. Стемнело, прежде чем настил моста, рухнув в реку, выбросил в воздух снопы искр. Каменные опоры, сложенные еще римлянами, сильно пострадали от огня, но не разрушились. На них можно будет построить новый мост, только на это уйдет много времени – ведь уцелевшие бревна уплыли вниз по течению.

Мы тронулись в путь. Ночь была холодной. Мы шли пешком, а монахов и священников я усадил на лошадей, потому что они валялись с ног от усталости. Все нуждались в отдыхе, но я запретил делать привал, зная, что Зигурд обязательно последует за нами, как только сумеет переправить своих людей через реку. Под яркими холодными звездами мы добрались до Беданфорда, там я нашел лесистый холм, который считал удобной оборонительной позицией, и мы расположились на ночлег. Костры не разводили. Я внимательно оглядывал окрестности, поджидая данов, но они так и не пришли.

А на следующий день мы вернулись домой.

Глава третья

Наступил и закончился Йоль, бури одна за другой несли с Северного моря снег, который плотным ковром устилал мертвую землю. Отец Виллибальд, священники – западные саксы, близнецы из Мерсии и поющие монахи – все были вынуждены оставаться в Буккингхамме. Когда погода уллучшилась, я выдал им Сердика и еще двадцать копейщиков, которым предстояло сопроводить их домой. Они забрали с собой волшебную рыбку и Иванна, пленника. Альфреду, если он все еще жив, обязательно захочется узнать о предательстве Эорика. С Сердиком я передал письмо для Этельфлэд, и по возвращении он заверил меня, что вручил послание одной из ее доверенных камеристок, но ответа не привез.

– Мне не разрешили увидеться с госпожой, – сообщил Сердик. – Ее держат под замком.

– Под замком?

– Во дворце, господин. Там все рыдают и причитают.

– Но ведь Альфред был жив, когда ты уезжал, так?

– Он все еще жив, господин, но священники говорили, что только молитва удерживает его на этом свете.

– Меня бы удивило, если бы они говорили другое.

– И господин Эдуард обручился.

– Обручился?

– Я присутствовал на церемонии, господин. Он собирает-

ся жениться на госпоже Эльфлэд.

– На дочери олдермена?

– Да, господин. Ее выбрал король.

– Бедняга Эдуард, – пробормотал я, вспомнив рассказы отца Виллибальда о том, что королевский наследник хотел жениться на какой-то девушке из Кента. Эльфлэд была дочерью Этельхельма, олдермена Суморсэта, и Альфред, вероятно, этим браком планировал обеспечить Эдуарду поддержку самых могущественных фамилий Уэссекса. Интересно, спросил я себя, а что случилось с той девушкой из Кента?

Зигурд вернулся в свои земли и оттуда, обозленный, рассылал рейдеров в сакскую Мерсию. Его люди жгли, убивали, уводили в рабство и грабили. Это была обычная пограничная война, ничем не отличавшаяся от постоянных стычек между скоттами и нортумбрийцами. На мою территорию рейдеры не посягали, но мои поля лежали к югу от обширных земель Беорнота. Зигурд сконцентрировал свой гнев на олдермене Элфволде, сыне того человека, который пал, сражаясь рядом со мной при Бемфлеоте, а к территории Беорнота не прикасался, и вот это я считал самым интересным. Так что в марте, когда звездчатка выбелила живые изгороди, я взял пятнадцать человек и мы отправились на север, к Беорноту, а в качестве новогодних гостинцев прихватили сыр, эль и соленую баранину. Старик встретил меня, сидя в кресле и укутавшись в меховой плащ. Он осунулся, глаза поблекли, нижняя губа все время дрожала. Он умирал. Беорт-

сиг, его сын, угрюмо смотрел на меня.

– Пора, – сказал я, – проучить Зигурда.

Беорнот нахмурился.

– Хватит ходить туда-сюда, – бросил он мне. – Из-за тебя я чувствую себя древним стариком.

– Ты и так старик, – сказал я.

Он поморщился.

– Я как Альфред, – заявил он. – Скоро встречу со своим богом. Отправлюсь на судилище, чтобы узнать, кому суждено жить дальше, а кому – гореть. Ведь они пустят его в рай, не так ли?

– Они с радостью примут Альфреда, – согласился я. – А тебя?

– В аду хотя бы не холодно, – хмыкнул он и вытер слюну, налипшую на бороду. – Значит, ты хочешь сразиться с Зигурдом?

– Я хочу прикончить этого ублюдка.

– Перед Рождеством у тебя был шанс, – напомнил Беортсиг. Я проигнорировал его.

– Он ждет, – произнес Беорнот. – Ждет смерти Альфреда. Зигурд не нападет, пока король жив.

– Он уже нападает, – возразил я.

Беорнот покачал головой.

– Всего лишь совершает набеги, – небрежно произнес он, – да и весь флот свой в Снотенгахаме вытащил на берег.

– В Снотенгахаме? – удивленно спросил я. Этот город

был так же далек, как любой остров, до которого добирались лишь мореходные суда.

– Все это говорит о том, что он не планирует ничего, кроме набегов.

– Это говорит только о том, что он не планирует морских набегов, – заявил я. – Но что помешает ему совершить маршбросок по суше?

– Возможно, он его и совершит, – уступил Беорнот, – но когда умрет Альфред. А пока будет просто воровать скот, уводить по несколько голов.

– Тогда я хочу увести несколько голов у него, – сказал я. Беортсиг бросил на меня злобный взгляд, а его отец пожал плечами.

– Зачем будить лихо, когда оно тихо? – спросил старик.

– Элфволд не считает, что оно тихо.

Беорнот расхохотался.

– Элфволд молод, – проговорил он, – и амбициозен, он сам напрашивается на неприятности.

Сакских землевладельцев Мерсии можно разделить на два лагеря: на тех, кого возмущает доминирование западных саксов на их земле, и на тех, что его приветствует. Отец Элфволда поддерживал Альфреда, Беорнот же тосковал по тем временам, когда в Мерсии был свой король, и, как все его единомышленники, отказывался посылать войска и помогать мне бить Хэстена. Тогда он предпочел, чтобы его людьми командовал Этельред, и они встали гарнизоном в

Глестре, готовясь отразить атаку, которая так и не последовала. Эти два лагеря постоянно противостояли друг другу, однако у Беорнота хватило благоразумия – а может, он слишком близко подошел к смерти, – чтобы не усугублять старую вражду: он пригласил нас переночевать.

– Будешь рассказывать мне сказки, – пробурчал он. – Я люблю всякие истории. Расскажешь мне о Бемфлеоте.

Этим великодушным предложением он как бы намекал на то, что прошлым летом его люди оказались не в том месте.

Всю историю я ему не рассказал. Вместо этого, когда угли в очаге покраснели, а эль развязал всем языки, я поведал ему, как погиб старший Элфволд. Как он сражался бок о бок со мной, и как мы разгромили вражеский лагерь, и как к норманнам подошло подкрепление и они ринулись в контратаку. Люди внимательно слушали. Почти каждый из тех, кто сейчас сидел в зале, хотя бы один раз стоял в стене из щитов и познал тот страх. Я рассказал, как подо мной убили лошадь, как мы встали спина к спине и, загородившись щитами, отбивались от вопящих данов, что неожиданно превзошли нас числом. Описал ту смерть, о которой мечтал Элфволд, и рассказал, как он крушил врагов одного за другим, пока чей-то топор не расколол надвое его шлем. Умолчал лишь о том, как он с укоризной смотрел на меня и какой ненавистью сочились его предсмертные слова, а все потому, что Элфволд решил, будто бы я предал его. Он умер рядом со мной на рассвете, и в тот момент я готов был последовать за ним, так

как знал, что даны почти наверняка убьют нас всех, но потом явился Стеапа с отрядом западных саксов, и наше поражение неожиданно превратилось в победу. Сторонники Беорнота стучали по столу, хваля таким образом мой рассказ. Людям нравится слушать о битвах, и потому мы приглашаем поэтов, чтобы они по вечерам развлекали нас песнями о воинах, мечах, щитах и топорах.

– Хорошая история, – похвалил Беорнот.

– Гибель Элфволда на твоей совести, – прозвучал чей-то голос.

На мгновение мне показалось, что я ослышался или что эти слова предназначались не мне. Воцарилась гнетущая тишина – каждый из присутствующих задался тем же вопросом.

– Зря мы тогда вступили в бой! – В разговор вмешался Ситрик. Он встал, и я увидел, что Ситрик пьян. – Ты даже не отправил разведчиков в лес! И сколько погибло из-за того, что ты этого не сделал?

Я знал: все видят, как это ошеломило меня. От шока я лишился дара речи. Ситрик когда-то был моим слугой, я спас ему жизнь – он тогда был мальчишкой, – взял к себе и сделал из него мужчину и воина. Я дал ему золота, награждал его так, как настоящий господин должен награждать своих сторонников. И вот сейчас этот человек смотрит на меня с нескрываемой ненавистью. Беортсиг, естественно, наслаждался моментом, переводил возбужденный взгляд с меня

на Ситрика. Райпер, сидевший на той же лавке, что и Ситрик, взял своего приятеля за руку, но тот оттолкнул его.

– Скольких ты убил в тот день своей беспечностью? – заорал он.

– Ты пьян, – хрипло произнес я, – и завтра ты будешь пресмыкаться передо мной, вымаливая прощение, и возможно, я прощу тебя.

– Господин Элфволд был бы жив, если бы у тебя была хоть капля мозгов, – не унимался он.

Мои люди закричали на него и зашикали, но я всех перекричал:

– Ко мне, на колени!

Он лишь сплюнул в мою сторону. В зале поднялся страшный шум. Люди Беорнота громкими воплями поддерживали Ситрика, мои же смотрели на все это в полнейшем ужасе.

– Дайте им мечи! – предложил кто-то.

Ситрик поднял руку.

– Дайте мне оружие! – заорал он.

Я шагнул к нему, но меня остановил Беорнот, дрожащими пальцами ухватив за рукав.

– Только не в моем доме, господин Утред, – сказал он, – только не здесь. – Он с трудом поднялся на ноги. Чтобы выпрямиться, ему пришлось одной рукой опереться на край стола. Другой же он указал на Ситрика. – Уведите его!

– Держись от меня подальше! – крикнул я ему. – И прихвати с собой свою жену-потаскуху!

Ситрик попытался вырваться, но люди Беорнота крепко держали его. Он был сильно пьян, поэтому они просто выволокли его из зала под презрительные насмешки и колкости сторонников Беорнота. Беортсиг от души радовался моему унижению и хохотал. Отец сурово посмотрел на него и сел.

– Сожалею, – буркнул он.

– Это он завтра пожалеет, – мстительно произнес я.

На следующее утро Ситрика нигде не было, и я не спрашивал, где Беорнот спрятал его. Мы приготовились к отъезду, и старый олдермен, опираясь на двух своих людей, вышел провожать нас на двор.

– Боюсь, – сказал он, – что я умру раньше Альфреда.

– Надеюсь, ты проживешь много лет, – почтительно произнес я.

– Британия погрузится в страдания, когда Альфреда не станет, – продолжал старик. – Уверенность в завтрашнем дне умрет вместе с ним. – Он замолчал. Беорнот все еще был озадачен вчерашним инцидентом. У него на глазах один из моих людей оскорбил меня, а он помешал мне заслуженно наказать провинившегося. Все это разделяло нас, как тлеющие угли. Однако мы оба делали вид, будто ничего не случилось.

– Сын Альфреда – хороший человек, – заявил я.

– Эдуард молод, – сокрушенно проговорил Беорнот. – Никто не знает, каким он станет. – Он вздохнул. – Жизнь – это поэма без конца, – добавил он, – но я все же хотел бы услы-

шать еще несколько строф, прежде чем умру. – Он покачал головой. – Эдуард не будет править.

Я улыбнулся:

– Возможно, он думает иначе.

– Таково пророчество, господин Утред, – совершенно серьезно сообщил он.

Я тут же насторожился:

– Пророчество?

– Есть одна колдунья, которая видит будущее.

– Эльфаделль? – уточнил я. – Ты видел ее?

– Беортсиг видел, – признался он, переведя взгляд на сына, который, услышав имя Эльфаделль, поспешно перекрестился.

– И что же она сказала? – спросил я у Беортсига.

– Ничего хорошего, – коротко ответил тот.

Я забрался в седло и оглядел двор в поисках Ситрика, но так его и не увидел, поэтому мы отправились в путь без него.

Поведение Ситрика сильно озадачило Финана.

– Наверное, он был пьян до безумия, – удивленно произнес он. Я ничего не ответил. Во многом слова Ситрика были правдой, Элфволд действительно погиб из-за моей беспечности, однако это не давало Ситрику право во всеуслышание обвинять меня. – Он всегда был таким добродушным, – продолжал Финан, – а в последнее время только и делал, что грубил. Я так и не понял, в чем дело.

– Он все больше становится похожим на своего отца, –

сказал я.

– На Кьяртана Безжалостного?

– Зря я спас ему жизнь.

Финан кивнул:

– Хочешь, я разберусь с ним?

– Нет, – твердо ответил я, – только один человек может убить его, и этот человек – я. Понятно? Он мой, и пока я не вспорю ему брюхо, я не желаю больше слышать его имя.

Прибыв домой, я прогнал прочь Элсвит, жену Ситрика, и его троих сыновей. Ее подруги и друзья горько рыдали и умоляли меня, но я оставался глух. Она уехала.

На следующий день я стал готовить западню для Зигурда.

* * *

Те дни были пронизаны страхом. Вся Британия с содроганием ждала известия о смерти Альфреда, уверенная, что это событие смешает руны. Тогда новый расклад предскажет Британии иную судьбу, но вот что это будет за судьба, никто не знал. Возможно, ответы имелись только у той колдуньи с кошмарным именем. В Уэссексе все хотели увидеть на троне нового, но такого же сильного короля; в Мерсии одна часть желала того же, а другая – вернуть собственного короля; весь же север, где правили даны, мечтал о завоевании Уэссекса. И все же Альфред прожил весну и лето, недоброжелатели между тем продолжали мечтать, а урожаи – зреть. Я взял с

собою сорок шесть человек и отправился на восток и север, туда, где устроил себе логово Хэстен.

Я бы с радостью взял с собой три сотни. Много лет назад мне было предсказано, что однажды я поведу целые армии. Но чтобы содержать армию, у человека должна быть земля, а моей хватало только для того, чтобы прокормить и вооружить небольшую дружину. Я собирал оброк, взимал пошлины с купцов, которые пользовались римской дорогой, проходившей по поместью Этельфлэд, однако этого было мало, поэтому в Сестер я взял с собою только сорок шесть человек.

Город был открыт всем врагам: на западе – валлийцам, а на востоке и севере – данам, которые не признавали никаких правителей, кроме самих себя. Когда-то римляне построили в Сестере крепость, и именно в ее развалинах и укрылся Хэстен. Были времена, когда одно имя Хэстена наводило страх на всех саксов, но сейчас он превратился в собственную тень, его дружина сильно сократилась, насчитывая менее двухсот человек, и преданность даже этих двух сотен вызывала сомнения. В начале зимы у Хэстена было более трехсот сподвижников, но люди ждут, что господин обеспечит их чем-то посущественнее, чем еда и эль. Они жаждут серебра, мечтают о золоте и рабах, вот люди Хэстена и разбрелись кто куда в поисках других хозяев. Многие примкнули к Зигурду или к Кнуту, считая их щедрыми на золото.

Сестер располагался на границе Мерсии, и я наткнулся на дружину Этельреда примерно в трех милях к югу от той кре-

пости, где прятался Хэстен. Дружина насчитывала более ста пятидесяти человек, чья работа состояла в том, чтобы наблюдать за Хэстеном и брать его измором, грабя фуражиров дана. Командовал этими людьми молодой парень по имени Мереваль, и мой приезд, судя по всему, его обрадовал.

– Ты приехал убить этого жалкого мерзавца, господин? – спросил он.

– Только взглянуть на него, – ответил я.

Если честно, это Хэстен должен был взглянуть на меня, хотя и не решался никому рассказывать, какова моя истинная цель. Я хотел, чтобы даны узнали о моем появлении в Сестере, поэтому заставил своих людей промаршировать рядом с полуразрушенной римской крепостью и даже щегольнул знаменем с волчьей головой. Я ехал впереди отряда в лучшей, начищенной до блеска моим слугой Осви кольчуге и приблизился к старым стенам настолько, что один из людей Хэстена решил попытать удачу и выпустил в меня охотничью стрелу. Я увидел, как в воздухе промелькнуло оперение, и проследил, как короткая стрела, пролетев дугой, воткнулась в землю в нескольких футах от копыт моей лошади.

– Ему не под силу защитит все эти стены, – задумчиво произнес Мереваль.

Он был прав. Римская крепость в Сестере была огромной, размерами с небольшой город, и жалкой кучке приспешников Хэстена не удалось бы организовать оборону на всем протяжении полуразрушенного крепостного вала. Мы с Ме-

ревале́м могли бы объединить наши силы и ночью пойти в атаку – возможно, обнаружили бы незащищенный участок стены и вступили бы в бой на улицах крепости. Однако от такого рискованного предприятия нас удерживал численный перевес противника, мы не хотели терять людей в попытке победить уже побежденного врага. Так что я удовлетворился тем, что дал понять Хэстону: я прибыл, чтобы насмеяться над ним. Он наверняка люто ненавидит меня. Всего год назад он был самым могущественным из всех норманнов, а сейчас забился в свою нору, как побитый зверь, причем побитый не кем-нибудь, а мною. И все же я знал: этот лис хитер и только и думает о том, как бы вернуть себе былое могущество.

Старая крепость стояла в большой излучине реки Ди. Сразу за южной стеной лежало в руинах громадное здание, которое когда-то было ареной, где, как рассказали мне священники Меревалея, христиан скармливали диким зверям. Это было бы слишком здорово, чтобы быть правдой, поэтому я им и не поверил. Развалины арены могли служить отличной цитаделью для такого маленького войска, как у Хэстена, однако он предпочел сосредоточить свои силы в северной части крепости, поближе к реке. Там у него стояли два корабля, вернее, старых торговых шлюпа, наверняка дырявых, так как их вытащили на берег. Если бы в случае атаки Хэстена отрезали от моста, эти шлюпы стали бы для него единственным средством спасения: он бы переправился на

другой берег Ди и скрылся в пустошах.

Мое поведение озадачило Меревалья.

– Ты пытаешься спровоцировать его на битву? – поинтересовался он у меня на третий день, когда я в очередной раз проехал под старыми стенами.

– Он не хочет биться, – ответил я, – а вот я хочу выманить его. Для него искушение слишком велико, так что он выйдет к нам, никуда не денется. – Я остановился на римской дороге, которая, прямая как стрела, вела к двойной арке ворот в крепость. Сейчас эти ворота были заперты мощным бруском. – А тебе известно, что я однажды спас ему жизнь?

– Нет.

– Я временами кажусь себе глупцом. Надо было прикончить его при первой же встрече.

– Убей его сейчас, господин, – предложил Мереваль, потому что Хэстен, покинув крепость через западные ворота, медленно направлялся к нам.

Его сопровождали двое, оба верхом. Они замерли у юго-западного угла крепости, между стеной и развалинами арены, затем Хэстен поднял руки, давая мне понять, что хочет всего лишь поговорить. Я повернул лошадь и поскакал к нему, но при этом старался держаться подальше от стен, вне пределов полета стрелы. С собой я взял только Меревалья, прочим же приказал оставаться на месте и наблюдать.

Хэстен ехал вперед и улыбался, как будто встреча с нами доставляла ему величайшее удовольствие. Он не сильно из-

менился, только борода поседела, хотя густые светлые волосы сохранили прежний цвет. Его лицо выражало радушие, глаза весело блестели. У него на руках было с десятков браслетов, на плечи, несмотря на теплую погоду, он набросил кожаный плащ. Хэстен всегда кичился богатством. За бедным господином люди не пойдут, и тем более за скаредным, поэтому он вынужден был демонстрировать уверенность в своих силах, если хотел вернуть себе власть.

– Господин Утрэд! – воскликнул он так, словно и в самом деле был рад видеть меня.

– Ярл Хэстен, – ответил я, с сарказмом произнеся его титул, – кажется, ты уже должен быть королем Уэссекса?

– Удовольствие занять этот трон откладывается, – согласился он, – поэтому позволь мне поприветствовать тебя в моем нынешнем королевстве.

Я рассмеялся, чего он и добивался.

– В твоём королевстве?

Он обвел рукой открытую всем ветрам низкую долину реки.

– Никто не заявил о своем желании быть здесь королем, так почему бы мне не стать им?

– Это земля господина Этельреда, – напомнил я.

– А господин Этельред очень щедро распоряжается своими владениями, – заявил Хэстен, – и даже, как я слышал, благосклонностью своей жены.

Стоявший рядом со мной Мереваль дернулся, и я предо-

стерегающе поднял руку.

– Ярл Хэстен шутит, – сказал я.

– Конечно шучу, – подтвердил тот без улыбки.

– Это Мереваль, – представил я своего спутника, – и он служит господину Этельреду. Он может заслужить благосклонность моей кузины, убив тебя.

– Он заслужит гораздо большую благосклонность, если убьет тебя, – парировал Хэстен.

– Верно, – согласился я и посмотрел на Меревалья. – Хочешь убить меня?

– Господин! – ошеломленно воскликнул тот.

– Господин Этельред, – обратился я к Хэстену, – желает, чтобы ты покинул его землю. У него и без тебя навоза хватает.

– Буду только рад, – парировал Хэстен, – если господин Этельред сам придет и выпроводит меня.

Весь этот обмен колкостями был таким же бессмысленным, как и ожидаемым. Хэстен вышел из крепости вовсе не для того, чтобы пикироваться со мной. Он хотел выяснить, что означает мое прибытие.

– А вдруг, – сказал я, – господин Этельред поручил мне выпроводить тебя?

– Это с каких же пор ты стал выполнять его приказы? – ухмыльнулся Хэстен.

– Возможно, этого желает его супруга, – выдвинул я предположение.

– Думаю, она предпочла бы мою смерть.

– Это тоже верно, – кивнул я.

Хэстен улыбнулся:

– Ты, господин Утред, приехал с одним отрядом. Мы, естественно, боимся тебя – а кто не боится Утрета Беббанбургского? – Говоря это, он поклонился. – Но одного отряда мало, чтобы исполнить желание госпожи Этельфлэд.

Он ждал от меня ответа, но я промолчал.

– Хочешь, я поведаю тебе, что сильнее всего озадачивает меня? – спросил он.

– Давай, – ответил я.

– Много лет, господин Утред, ты трудишься во благо Альфреда. Ты убивал его врагов, командовал его армиями, обеспечивал безопасность его королевства, но в награду за эти услуги ты получил только один отряд. У других огромные владения, роскошные дома, у них закрома завалены сокровищами, их женщины обвешаны золотом, они в состоянии повести в битву сотни воинов. Однако же тот, кто обеспечивает их безопасность, так и остается без награды. Почему же ты хранишь верность столь скаредному господину?

– Я спас тебе жизнь, – напомнил я, – и тебя при этом озадачивают вопросы неблагодарности других?

Он от души расхохотался:

– Альфред морит тебя голодом, потому что боится тебя. Ты еще не стал христианином?

– Нет.

– Тогда присоединяйся ко мне. Ты и я, господин Утред. Мы прогоним Этельреда с его земель и поделим между собою Мерсию.

– Я предложу тебе участок в Мерсии.

Он улыбнулся.

– Длинной в два шага и шириной в один? – уточнил он.

– Да к тому же очень глубоких шага, – подтвердил я.

– Меня трудно убить, – заметил он. – Боги, очевидно, любят меня так же, как они любят тебя. Я слышал, после Йоля Зигурд клянет тебя на чем свет стоит.

– А что еще ты слышал?

– Что солнце садится и встает.

– Полюбуйся им, – посоветовал я, – потому что может случиться, что тебе в скором времени не придется восхищаться восходами и закатами.

Я неожиданно прищпорил свою лошадь. Она рванула вперед и заставила жеребца Хэстена попятиться.

– Слушай, – резко произнес я. – У тебя есть две недели, чтобы уйти из крепости. Эй, дерьмо собачье, ты понял меня? Если через четырнадцать дней ты все еще окажешься здесь, я сделаю с тобой то же, что сделал с твоими людьми при Бемфлеоте. – Я скользнул взглядом по его двоим спутникам и снова посмотрел на Хэстена. – Две недели, – повторил я, – а потом придут войска западных саксов, и я превращу твой череп в ковш для воды.

Я, естественно, лгал, во всяком случае насчет войск запад-

ных саксов, но Хэстен знал, что именно эти войска помогли мне одержать победу при Бемфлеоте, так что ложь звучала вполне правдоподобно. Он начал что-то говорить, но я повернулся и поскакал прочь, взмахом руки приказав Меревалью следовать за мной.

– Я оставляю тебе Финана и двадцать человек, – сообщил я мерсийцу, когда мы отъехали подальше, – потому что в течение этих двух недель ты должен ждать нападения.

– Хэстена? – недоверчиво спросил Мереваль.

– Нет, Зигурда. Он приведет с собой как минимум триста человек. Хэстену нужна помощь, и он попытается снискать благосклонность Зигурда, послав ему сообщение о том, что я здесь. И тогда Зигурд обязательно придет – уж очень ему хочется прикончить меня. – Конечно, я не был уверен, что все так и случится, но я сомневался, что Зигурду удастся побороть искушение и не попасться на мою наживку. – Когда он явится, – продолжал я, – ты отступишь. Уходи в леса, держись впереди него и доверяй Финану. Пусть Зигурд изнуряет своих людей на голой земле. Даже не пытайся вступать с ним в схватку, просто маячь у него перед глазами.

Мереваль не стал спорить. Вместо этого после нескольких минут размышлений он посмотрел на меня и спросил:

– И вправду, господин, почему Альфред не вознаградил тебя?

– Потому что он не доверяет мне, – ответил я. Мой ответ так поразил Меревалью, что он устался на меня расширив-

шимися от удивления глазами. – Если ты хотя бы отчасти верен своему господину, – продолжал я, – дай ему знать, что Хэстен предложил мне объединиться.

– А еще я скажу ему, что ты отказался.

– Можешь передать, что искушение было велико, – добавил я и тем самым снова шокировал его. Я пришпорил лошадь.

Зигурд и Эорик подстроили мне чрезвычайно хитроумную ловушку, и она почти сработала. Зато теперь я устрою ловушку Зигурду. Я не надеялся убить его – это подождет, – но очень хотел, чтобы он пожалел о своей попытке убить меня. Однако сначала я рассчитывал узнать будущее. Настала пора ехать на север.

* * *

Я отдал Сердику свою дорогую кольчугу, плащ и лошадь, а также свой щит, украшенный волчьей головой, и велел ежедневно показываться на глаза Хэстену и его сподвижникам. Сердик был пониже меня, но так же широкоплеч, поэтому в моей одежде и в моем шлеме с нащечными пластинами, которые закрывали лицо, вполне мог сойти за меня.

– Только не приближайся к стенам, – предупредил я, – пусть думает, будто я наблюдаю за ним.

Знамя с волчьей головой я оставил Финану.

На следующий день я уехал в сопровождении двадцати

шести человек. Мы тронулись в путь до рассвета, чтобы разведчики Хэстена не заметили нас. Когда день вступил в свои права, мы стали продвигаться ближе к лесам, но все равно держали направление на восток. Лудда все еще ехал с нами. Мне очень понравился этот плут и мошенник. Лучшим его качеством было великолепнейшее знание Британии.

– Я все время перебираюсь с места на место, господин, – объяснил он, – поэтому и знаю все пути-дороги.

– Перебираешься с места на место?

– Господин, мало кто рискнет оказаться в пределах досягаемости того, кому вчера продал два ржавых железных гвоздя за кусок серебра, не так ли? Вот и приходится делать ноги.

Я расхохотался. Лудда был нашим проводником, и он вел нас на восток по римской дороге, пока мы не увидели поселок с хижинами, над которыми поднимался дым. Чтобы нас не заметили, мы свернули с дороги и обошли его по широкой дуге. Дальше поселений не было, и по козьим тропам мы стали подниматься на холмы.

– Куда он нас ведет? – спросил у меня Осферт.

– В Буккестан, – ответил я.

– А что там?

– Эти земли принадлежат ярлу Кнуту, – сообщил я, – и тебе там совсем не понравится, поэтому я и не рассказываю, что там.

Я бы предпочел путешествовать в обществе Финана, но я верил, что ирландцу удастся избавить Сердика и Мере-

валя от неприятностей. Осферт мне нравился, но временами его осторожность становилась помехой, а не преимуществом. Если бы я оставил в Сестере Осферта, он слишком поспешно стал бы отступать при появлении Зигурда. Он бы утащил с собою Меревалю в глухие леса на границе Мерсии и Уэльса и тем самым отбил у Зигурда желание продолжать охоту. Мне же было нужно, чтобы кто-то постоянно дразнил и искушал Зигурда, и я знал, что у Финана это отлично получится.

Начался дождь, не морось, а самый настоящий ливень, который к тому же сопровождался резким восточным ветром. Осадки сильно замедлили нас, но зато обеспечили безопасность – мало кому захочется вылезать из дома в такую погоду. Когда же нам кто-то встречался по пути, я представлялся неким господином из Кумбраланда, который едет к ярлу Зигурду засвидетельствовать свое почтение. Кумбраланд был необжитым районом с небольшим количеством олдерменов. Я не раз бывал там и знал его достаточно хорошо, чтобы ответить на любые вопросы, однако никто из встречных не задавал их.

Итак, мы поднялись на холмы и через три дня прибыли в Буккестан. Он лежал в долине между холмами и представлял собой довольно большой город, построенный вокруг древних римских зданий, в которых еще сохранились стены, а вот крыши были заменены на тростниковые. Город не был защищен палисадом, однако на границе дороги нам прегра-

дили трое, до этого прятавшиеся в будочке.

– Вы должны заплатить за вход в город, – сказал один.

– Кто вы? – спросил другой.

– Кьяртан, – представился я. Этим именем – оно было из прошлого, так звали злобного отца Ситрика, – я пользовался в Буккестане.

– Откуда вы? – продолжал спрашивать второй. Он был вооружен длинным копьём с ржавым наконечником.

– Из Кумбраланда, – ответил я.

Все трое презрительно усмехнулись.

– Из Кумбраланда? – проговорил первый. – Имей в виду, у нас тут платят не козым пометом. – Он расхохотался, довольный собственной шуткой.

– Кому вы служите? – поинтересовался я у него.

– Ярлу Кнуту Ранулфсону, – ответил второй, – и слава о нем дошла даже до Кумбраланда.

– Он знаменит, – с деланным восторгом согласился я, а затем заплатил им нарубленными кусочками серебряного браслета.

Сначала я, естественно, поторговался с ними, правда не слишком яростно, потому что все же хотел попасть в город и при этом не вызвать ни у кого подозрений. Так что мне пришлось смириться и отдать им серебро, которого у меня и так было мало. Вскоре мы уже ехали по грязным улочкам. Мы остановились на одной из ферм в восточной части. Хозяйка, вдова, уже давно отказалась от разведения овец и зара-

батывала себе на жизнь тем, что принимала на постоял путешественников, которых привлекали в эти места горячие источники, славящиеся своими лечебными свойствами. Только сейчас, добавила она, эти источники охраняют монахи, они требуют плату серебром со всех, кто хочет зайти в старые римские купальни.

– Монахи? – удивился я. – А разве это не земля Кнута Ранулфсона?

– А ему-то что за дело? – отмахнулась она. – Пока поток серебра исправно течет в его закрома, ему плевать, кто какому богу молится.

Как и большинство жителей города, она была из саксов, но говорила о Кнуте с явным уважением. Неудивительно. Он был богат, опасен и считался лучшим мечником во всей Британии. Поговаривали, что у его меча самый длинный и смертоносный клинок во всей стране, поэтому его прозвали Кнут Длинный Меч. Кроме того, он был горячим сторонником Зигурда. Если бы Кнут Ранулфсон узнал, что я нахожусь на его земле, Буккестан тут же заполонили бы даны, жаждущие моей смерти.

– Так ты приехал сюда на горячие источники? – обратилась ко мне вдова.

– Я ищущу колдунью, – признался я.

Женщина перекрестилась.

– Да храни нас Господь, – поспешно произнесла она.

– Что мне сделать, – спросил я, – чтобы увидеть ее?

– Заплатить монахам, естественно.

Странные они, эти христиане. Утверждают, будто у языческих богов нет могущества и что старые верования – такой же обман, как железо Лудды, и в то же время, когда они заболевают, или когда бывает неурожай, или когда у них нет детей, они идут к ведьме – к колдунье, которая имеется в каждом городе. Священник читает проповеди, направленные против таких женщин, объявляет их порочными еретичками, а на следующий день платит им серебром, чтобы узнать свое будущее или свести бородавки с лица. Монахи Буккестана были такими же. Они охраняли римские купальни, распевали псалмы в церкви и брали серебро и золото за то, чтобы устроить желающим встречу с троллихой. Троллиха – это женщина-чудовище, и именно так я воспринимал Эльфаделль. Я боялся ее и одновременно хотел поговорить с ней, поэтому поручил Лудде и Райперу все организовать. Они вернулись и сообщили, что колдунья требует золота. Не серебра, а именно золота.

В это путешествие я взял ценности и почти все свои деньги. Пришлось забрать золотые цепи у Сигунн и двумя из них расплатиться с монахами. При этом я мысленно поклялся, что однажды вернусь сюда и заберу у них свои драгоценности.

На второй день нашего пребывания в Буккестане, когда наступили сумерки, я пошел на юг и запад, к холму, который нависал над городом. Этот холм славился тем, что на его вер-

шине располагались могилы древних людей, такие ярко-зеленые курганы на фоне голых склонов. Вокруг таких курганов всегда обитают мстительные призраки, и, когда тропа привела меня в лес, где росли ясени, березы и вязы, я ощутил сильный озноб. Мне объяснили, куда идти, и предупредили, что, если я ослушаюсь, колдунья не покажется, однако сейчас я страшно жалел о том, что пошел один, без спутника, который оберегал бы мою спину. Я остановился, но не услышал ничего, кроме дыхания ветра в листьях да шелеста воды в ближайшем ручье. Вдова рассказала мне, что одни вынуждены ждать, когда перед ними появится Эльфаделль, по несколько дней. Порой даже к тем, кто заплатил серебром или золотом, колдунья вообще не выходит.

– Она может раствориться в воздухе, – сообщила вдова, перекрестившись. Однажды, добавила она, колдунья отказалась являться самому Кнуту.

– А ярл Зигурд? – спросил я. – Он тоже к ней ходил?

– Он приезжал в прошлом году, – ответила она, – и был очень щедр. Его сопровождал какой-то сакский господин.

– Кто именно?

– Откуда мне знать? Они ко мне на постоя не просились. Ночевали у монахов.

– Расскажи мне все, что помнишь, – попросил я.

– Молодой, – начала она, – с длинными волосами, как у тебя. Но он точно был саксом. – Большинство саксов, в отличие от данов, стригли волосы коротко. – Монахи называли

его Саксом, господин, – продолжала вдова, – но кем он был на самом деле, я не знаю.

– А он точно был знатным?

– Он был одет как благородный.

На мне была одежда из кожи и кольчуга. Я не видел в лесу никакой опасности и поэтому уверенно шел вперед, пока не обнаружил, что тропинка упирается в известняковый утес, рассеченный огромной трещиной, из которой вытекает ручеек и, обегая упавшие осколки, с громким журчанием устремляется в лес. Я огляделся по сторонам, но никого не заметил и ничего не услышал. Даже показалось, что и птицы замолкли, хотя наверняка это был плод воображения, разыгравшегося из-за беспокойства. Я различил следы на берегу у самой кромки воды, но потом убедился, что они давние, глубоко вздохнул, перебрался через камни и вошел в пещеру, узкий, похожий на щель вход в которую был обозначен папоротниками.

Меня охватил страх, такой же сильный, как при Синуите, когда люди Уббы построились в шеренгу, выставили перед собой щиты и двинулись убивать нас. Я прикоснулся к молоту Тора, висевшему у меня на шее, вознес молитву Хёду, сыну Одина, слепому богу ночи, и только после этого двинулся дальше, пригибаясь в тех местах, где потолок нависал слишком низко. Позади меня быстро таял сумеречный свет. Мои глаза привыкли к полумраку, и я видел, что ступаю по гальке, которая громко хрустела у меня под ногами. С каж-

дым шагом становилось все холоднее. Своим шлемом я не раз чиркал по потолку. Я снова сжал в кулаке молот Тора, уверенный, что эта пещера – один из входов в подземный мир, туда, где раскинулись корни Иггдрасиля и где три норны определяют наши судьбы; что это идеальное обиталище для цвергов и эльфов, для разных созданий тени, которые терзают наши жизни и насмеваются над надеждами простых смертных. Я был напуган до крайности.

Оскальзываясь на камнях, я продвигался вперед почти ощупью. Наконец почувствовал, что коридор закончился и я нахожусь в просторном зале, в котором любой звук отдавался гулким эхом. Впереди различил мерцание света и в первое мгновение решил, что зрение играет со мной плохие шутки. Снова дотронулся до молота и сжал рукоять Вздоха Змея. Замер и прислушался. Я смог различить только плеск воды, ни один звук не свидетельствовал о том, что в зале, кроме меня, есть еще кто-то. Крепче сжав рукоять, я взмолился слепому Хёду, чтобы он провел меня по этой крошечной тьме.

А потом появился свет.

Совершенно неожиданно. Это был слабый проблеск ситной свечи, но до этого момента его скрывала ширма, которую вдруг быстро подняли. В непроглядной темноте крохотный дымящийся язычок пламени показался мне ослепительно-ярким.

Ситная свеча стояла на камне с ровной, как у стола, по-

верхностью. Рядом лежал нож и стояли чашка и миска. Огонь освещал помещение до самого потолка, с которого свисали камни. Они были странной формы и очень светлыми, такими, что было похоже, будто это внезапно застыла вода, скованная морозом. Все это, в том числе и «жидкие» камни, подернутые серым и голубым, я увидел в одно мгновение и только потом перевел взгляд на существо, сидевшее у камня-стола и наблюдавшее за мной. В темноте колдунья казалась черным темным облаком, тенью, силуэтом, чудовищем, но, по мере того как мои глаза привыкали к свету, я все отчетливее видел, что она крохотная, хрупкая, как птичка, и древняя, как время. Ее лицо было настолько темным и морщинистым, что выглядело как кусок старой кожи. Подернутые сединой волосы закрывал капюшон от грязного черного плаща. Передо мной было уродство в человеческом обличье, женщина-чудовище, ведунья, Эльфаделль.

Я не двинулся, а она не заговаривала. Просто смотрела на меня не моргая, и я ощущал, как в душе ворочается страх. А потом она поманила меня похожим на коготь пальцем и прикоснулась к пустой миске.

– Наполни ее, – велела она. Ее голос походил на шелест осенних листьев.

– Наполнить?

– Золотом, – ответила старуха, – или серебром. Но до краев.

– Ты хочешь еще больше? – возмутился я.

– А ты хочешь все, Кьяртан из Кумбраланда, – сказала она, правда сделав крохотную паузу, прежде чем произнести имя, как будто она догадывалась, что оно ложное, – поэтому да. Я хочу еще больше.

Я едва не отказался, однако меня пугало ее могущество, поэтому я достал все серебро из своего кошелька, пятнадцать монет, и положил их в деревянную миску. Она довольно усмехнулась, когда монеты звякнули.

– Что ты хочешь знать? – спросила она.

– Все.

– Придет время жатвы, – небрежно произнесла она, – потом наступит зима, после зимы настанет пора сева, потом снова будет жатва и новая зима, и так до окончания времен, и люди будут рождаться и умирать, и это все.

– Тогда скажи мне, что я хочу знать, – заявил я.

Она поколебалась и едва заметно кивнула.

– Положи руку на камень, – велела она и покачала головой, когда я положил левую руку на холодную поверхность камня. – Ту, которой ты держишь меч, – уточнила Эльфаделль, и я покорно положил на камень правую руку. – Переверни, – бросила ведьма, и я перевернул руку ладонью вверх.

Пристально вглядываясь мне в глаза, она взяла нож. На ее губах блуждала полуулыбка, и мне очень хотелось убрать руку, но едва я шевельнулся, как она резким движением полоснула ножом по ладони, от большого пальца к мизинцу, потом еще раз, крест-накрест. Я смотрел, как из двух надре-

зов сочится кровь, и тут вспомнил крестообразный шрам на руке Зигурда.

– А сейчас, – сказала она, откладывая нож, – сильно ударь по камню. – Она пальцем ткнула в самый центр камня. – Вот сюда.

Я со всей силой ударил по камню, и на его гладкой поверхности в окружении кровавых брызг появился отпечаток ладони, обезображенный красным крестом.

– А теперь молчи, – приказала Эльфаделль и движением плеч сбросила плащ.

Оказалось, что под ним она абсолютно голая. Тощая, с бледной кожей, уродливая, дряхлая, дрожащая и голая. Ее груди напоминали пустые кошель, кожа была морщинистой и покрытой желтыми пятнами, а руки – костлявыми. Она распустила волосы, которые до этого были собраны на затылке, и серо-черные пряди рассыпались по ее плечам, как у незамужней девицы. Она была пародией на женщину, она была ведьмой, и меня пробивала дрожь омерзения от этого зрелища. Эльфаделль, казалось, не замечала моего взгляда, внимательно всматривалась в кровь, поблескивавшую в тусклом свете. Внезапно пальцем размазала кровь по камню.

– Кто ты? – спросила она, и в ее голосе прозвучало искреннее любопытство.

– Ты сама знаешь, кто я.

– Кьяртан из Кумбраланда, – с насмешкой произнесла она. Из ее горла вырвался звук, – возможно, это был смех. –

И она указала заляпанным кровью пальцем на чашку. – Выпей это, Кьяртан из Кумбраланда, – потребовала она, – выпей до дна!

Я поднял чашку и выпил. Вкус был мерзкий, едкий и горький, у меня даже запершило в горле, но я справился.

И Эльфаделль расхохоталась.

* * *

Я мало что помню о той ночи, и многое из того, что помню, мне хотелось бы забыть.

Проснулся я голый, замерзший и уставший. Щиколотки и запястья были стянуты кожаными ремнями, да еще связаны вместе. Из прохода сочился бледно-серый свет, освещая пещеру. Пол был светлым от помета летучих мышей, от меня воняло моей же собственной блевотиной. Эльфаделль сидела скрючившись под черным плащом. Под себя она подгрребла мою кольчугу, два меча, шлем, молот и одежду.

– Ты проснулся, Утред Беббанбургский, – сказала она и ощупала мои вещи. – И ты думаешь, – продолжала ведунья, – что было бы проще меня убить.

– Я действительно думаю, что было бы проще тебя убить, женщина, – согласился я. Язык еле ворочался в пересохшем рту. Я натянул ремень, стягивавший руки и ноги, но это ничего не дало, только боль пронзила запястья.

– Я умею вязать узлы, Утред Беббанбургский, – пробормо-

мотала она. Ведьма взяла за кожаный шнурок молот Тора и поболтала им. – Уж больно дешевый амулет для великого правителя. – Эльфаделль закудаhtала. До чего же она была отвратительна: сухая, скрюченная. Похожими на когти пальцами старуха обхватила рукоять Вздоха Змея и направила меч на меня. – Мне следует убить тебя, Утред Беббанбургский, – заявила она.

У нее не хватило сил удержать на весу тяжелый меч, и она положила лезвие на мои согнутые колени.

– Так за чем дело стало? – поинтересовался я.

Она помолчала, глядя на меня.

– Ты стал мудрее? – спросила она. Я ничего не ответил. – Ты пришел за мудростью, – продолжала ведьма. – Ты ее нашел?

Где-то далеко за пределами пещеры прокричал петух. Я снова попытался разорвать путы, и снова у меня ничего не получилось.

– Разрежь ремни, – потребовал я.

Она расхохоталась:

– Я не дура, Утред Беббанбургский.

– Ты не убила меня, – возразил я, – и это, вероятно, было глупостью с твоей стороны.

– Верно, – согласилась она. Ведунья снова приподняла меч и прижала его острием к моей груди. – Так ты нашел мудрость этой ночью, а, Утред? – поинтересовалась она и улыбнулась, обнажив гнилые зубы. – Этой ночью наслаждений? –

Я отодвинулся от меча, но старуха ткнула в меня острием, и на моей груди появилась кровь. Это позабавило ее. Сил держать меч у нее не было, поэтому она положила его плашмя мне на бедро. – Ты стонал в темноте, Утред. Стонал от удовольствия. Неужели не помнишь?

Я вспомнил девушку, что приходила ко мне в ночи. Темнокожую, темноволосую, стройную и красивую, гибкую как ива, девушку, которая улыбалась, сидя на мне верхом и кончиками пальцев глядя меня по лицу и по груди; девушку, которая сладострастно изгибалась, когда мои руки ласкали ее груди. Я вспомнил, как ее колени сжимали мои бедра.

– Я помню сон, – мрачно произнес я.

Эльфаделль принялась двигаться взад-вперед, напоминая мне, что ночью делала темноволосая девушка. Лезвие меча при этом скользило по моему бедру.

– Это был не сон, – насмешливо произнесла она.

Мне захотелось убить ее, и она, поняв это, захохотала.

– Другие тоже пытались убить меня, – бросила ведунья. – Однажды за мной пришли священники. Целая толпа, а вел их старый аббат с горящим факелом. Они громко молились, называли меня ведьмой-язычницей. Их кости все еще гниют в долине. У меня есть сыновья, знаешь ли. Матери очень полезно иметь сыновей, потому что на свете нет более сильной любви, чем любовь матери к своим сыновьям. Ты забыл про эту любовь, Утред Беббанбургский?

– Еще один сон.

– Не сон, – возразила она, и я вспомнил, как ночью меня баюкала моя мама, качала в колыбели, давала мне грудь, и я вспомнил удовольствие того момента и свои слезы, когда сообразил, что это сон – ведь моя мать умерла во время родов и я никогда не знал ее.

Эльфадель улыбнулась:

– Впредь, Утред Беббанбургский, я буду думать о тебе как о сыне. – Мне снова захотелось убить ее, и она снова поняла это и посмеялась надо мной. – Прошлой ночью, – продолжала она, – к тебе приходила богиня. Она показала тебе всю твою жизнь, и все твое будущее, и весь бескрайний мир людей, и что случится с ним. Ты все забыл?

– Богиня приходила? – удивился я.

Я помнил, как говорил не умолкая, а еще – грусть от того, что моя мать покинула меня. Помнил, как темноволосая девушка сидела на мне верхом, и то, как чувствовал себя больным и пьяным. А еще сон, в котором я летел над миром на гребне ветров точно так же, как корабль – на гребне волны. А вот богини я не помнил.

– Какая богиня?

– Эрсе, естественно, – ответила она таким тоном, будто вопрос был глупейшим. – Ты же знаешь Эрсе? А она тебя знает.

Эрсе была одной из древних богинь Британии, когда наши люди пришли сюда из-за моря. Я знал, что ей – матери-земле, дарительнице жизни, богине – все еще поклоняются в от-

даленных уголках страны.

– Я знаю Эрсе, – подтвердил я.

– Ты знаешь, что есть много богов, – сказала Эльфаделль, – и поэтому ты не настолько глуп. Христиане думают, что один бог будет служить и женщинам, и мужчинам, но как такое может быть? Разве способен один пастух защитить каждую овцу в целом мире?

– Старый аббат пытался убить тебя?

Я перекатился на другой бок и оказался спиной к ней. Она не видела, чем я занимаюсь, а я тем временем принялся тереть кожаный ремень об острый камень в надежде, что мне удастся порвать путы. Правда, резких движений я делать не мог, иначе она бы все заметила. А чтобы отвлечь ее, я решил занять ее болтовней.

– Так старый аббат пытался убить тебя? – снова спросил я. – И как же получилось, что сейчас монахи защищают тебя?

– Новый аббат не дурак, – сообщила она. – Он знает, что ярл Кнут с него живого сдерет кожу, если он прикоснется ко мне, вот он и служит мне.

– И ему плевать на то, что ты не христианка? – уточнил я.

– Он любит денежки, которые ему приносит Эрсе, – хмыкнула она, – и он знает, что Эрсе живет в этой пещере и оберегает меня. А сейчас Эрсе ждет твоего ответа. Ты стал мудрее?

Я молчал, озадаченный вопросом, и это разозлило ее.

– Я что, неясно выражаюсь? – сердито пробурчала она. –

Что, глупость забила тебе уши и размягчила мозги?

– Я ничего не помню, – соврал я.

Она аж затряслась от хохота – при этом меч задержался на моей ноге – и снова задвигала бедрами взад-вперед.

– Семь королей погибнут, Утред Беббанбургский, семь королей и женщина, которую ты любишь. Такова твоя судьба. И сын Альфреда не будет править, Уэссекс умрет, Сакс убьет то, что ему дорого, даны заполучат все, все изменится, и все останется по-прежнему, как было и будет всегда. В этом, видишь, ты стал мудрее.

– Кто такой Сакс? – Я продолжал тереть ремень о камень, однако кожа даже не истончилась.

– Сакс – это король, который разрушит то, чем он правит. Эрсе знает все, Эрсе все видит.

Шаги в коридоре на мгновение дали мне надежду, что это мои люди, но в полумраке пещеры появились три монаха. Их возглавлял старик с взлохмаченными седыми волосами и впалыми щеками. Он уставился сначала на меня, потом на Эльфаделль и опять на меня.

– Это действительно он? – спросил незнакомец.

– Это Утред Беббанбургский, это мой сын, – проскрипела Эльфаделль и расхохоталась.

– Господь всемогущий, – произнес монах.

Судя по его лицу, он был страшно напуган, и по этой причине я все еще был жив. И Эльфаделль, и монах знали, что я – враг Кнута, однако они не знали, чего Кнут хочет от меня,

и опасались, что, убив меня, они тем самым оскорбят господина. Седой монах подошел ко мне. Он оробел, неспособный предугадать, что я могу учудить, моя непредсказуемость ужасала его.

– Ты Утред? – спросил он.

– Я Кьяртан из Кумбраланда, – ответил я.

Эльфаделль фыркнула.

– Он Утред, – сказала она. – Напиток Эрсе не лжет. Он болтал как неугомонный ребенок.

Монах боялся меня, потому что моя жизнь и смерть находились за пределами его понимания.

– Зачем ты сюда пришел? – спросил он.

– Разведать будущее, – ответил я. Я ощутил кровь на ладонях – мои усилия освободиться от пут привели к тому, что открылись шрамы от порезов, сделанных Эльфаделль.

– Он узнал будущее! – завывала Эльфаделль. – Будущее мертвых королей!

– А в этом будущем была моя смерть? – уточнил я у нее и впервые за все время увидел сомнение на морщинистом лице.

– Нужно послать за ярлом Кнутом, – решил старик.

– Нет, убить, – возразил монах помоложе. Он был высоким и крепко сбитым, на его жестком длинном лице выделялся крючковатый нос, взгляд был безжалостным. – Ярл наверняка захочет покончить с ним.

Старик все еще сомневался.

– Мы не знаем волю ярла, брат Херберт.

– Убей его! Он наградит тебя. Наградит нас всех. – Брат Херберт был прав, однако боги заронили сомнение в умы остальных.

– Это должен решать ярл, – упирался старик.

– На то, чтобы получить ответ, уйдет целых три дня, – язвительно заметил Херберт. – И что с ним делать все это время? В городе его люди. Их слишком много.

– Может, самим отвезти его к ярлу? – размышлял старик. Он явно желал услышать то, что избавит его от ответственности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.